

Видосав Стеванович

**Если я
когда-нибудь
умру**

Перевод с сербского Михаила Сердюка

Рисунки Михаила Сулейманова

Томск - 2023

8 МАЯ 1980

Моё имя знает каждый человек на планете. В ста сорока с чем-то государствах люди выкрикали моё имя. В сотнях каких-то там городов, названий которых я не помню.

Это они пусть меня помнят.

А я их просто посетил и поехал дальше.

Моя чайка¹ и мой голубой поезд² носили меня, куда мне хотелось. Самолётам и цеппелинам я никогда не доверял.

Не воздушное я существо, не небесное.

Моя стихия - земля. И впредь ею останется.

Мои биографы, спутники, гвардейцы, дипломаты и прочие соратники знают наизусть, где я побывал. Это рядом со мною они повидали мир.

Вновь товарищ Тито едет странствовать по свету:

Всюду все спешат увидеть чудовище это³.

Пусть поют что угодно. Лишь бы пели.

Здесь, в этом государстве, моё имя выкрикали всюду и везде. Днём и ночью. Во сне и наяву. Когда нужно и когда не нужно.

И массово, и поодиночке. В кругах сословных и в кругах церковных. И последователи, и неприятели. И те, кому я сам платил, чтобы числились у меня диссидентами.

Все повторяли моё имя. Дети бормотали его во сне как защиту от кошмаров. Старики на последнем издыхании шептали его как молитву. Враги народа и слуги оккупантов – как проклятие. Не могли они без него, как и с ним не могли.

Меня поминали чаще, чем детей и родителей. Со мною начинали день и завершали вечер.

Вот поэтому – как от имени народов и народностей, верно за мною следовавших, так и от своего бессмертного имени... во имя всех угнетённых на свете, и всех узников, мучимых голодом... и ещё раз во имя своего имени... я организовываю парад – величайший из всех, что до сего дня провёл. А парады я проводил всегда, когда не знал, чего ещё мне хочется. Или когда кому-нибудь (или всем подряд) требовалось пустить пыль в глаза. Каждый рабочий день понемножку. Иногда получалось изрядно.

Я устраиваю себе апофеоз в день своих похорон. Так гордо это звучит в моих ушах, так чудесно и так по-настоящему!

У меня нет слов даже самому себе это высказать,
о других я уж и не говорю.

Впрочем, никаких других здесь, внизу, всё равно больше нет.

Что я делаю? Наблюдаю на экране свои собственные похороны в качестве их управляющего. Как командующий.

Как политический лидер. Как главный мастер церемонии. Как объект парада и его демиург. Как дирижёр и композитор.

Как мёртвый и как живой. Как вождь и хормейстер.

И вместе мы повторим слова, твёрдые, как монолит:
*и после Тито – Тито*⁴. Если кто настаивает, можно сказать и так: *и прежде Тито – Тито*. Хотя то, что было прежде, до меня, таких поминок не сто́ит.

Что я вижу? У меня перед глазами величайшие похороны на свете.

Официально я умер в понедельник. Чуть позже полудня первого рабочего дня. К этому времени протрезвели все, кто был пьян с субботы. Проснулись после выходных лежебоки. Вернулись домой дачники и отдыхающие.

Подняли похмельные головы и те паразиты, что считаются у меня диссидентами – с моего разрешения.

В моём государстве безделье врагов режима оплачивается. Они все подряд мои бывшие последователи. Так мы с ними договорились при расставании.

Через какую-то минуту весть о моей кончине объявили все СМИ. Ошибка была невозможна. Они у меня вымуштрованы сами себя цензурировать. Я им даю напутствия только по привычке. Журналисты знают, что смеют, а чего не смеют. Что им можно, а чего никак нельзя.

Иначе они не писали бы в моих газетах. Всё было готово за день до моего исчезновения. И проверено на самых высоких постах.

Товарищи! С неизмеримой печалью объявляем, что с этого дня мы остались одни. Перестало биться благородное и гуманное сердце нашего президента, маршала, генерального секретаря, многократного народного героя, заслуженного гражданина, охотника и рыболова, пчеловода, токаря, сокольника, литератора и голубятника.

И так далее.

Одно за другим дикторы оглашали мои звания, знания, усилия и стремления, хобби, титулы и занятия, которыми я с успехом занимался. Во всём, по общему мнению, был я самым лучшим. И никого никогда лучше меня не было.

Мне стало жаль, когда это перечисление закончилось.

Настолько хорошо всё это звучало, что я и сам чуть было не поверил. Будет возможность снова посмотреть всё это в записи. Чтобы, ещё раз послушав, проверить – не упустили ли чего. Не каждому дано быть бессмертным и иметь возможность пересматривать запись своих похорон. Я даже мог бы пролить по себе слезу-другую, найдись у меня слёзы. Или, наоборот, посмеяться над чужими слезами.

Но почему-то не удаются мне ни смех, ни печаль.

Информационные центры распространили и умножили печальную новость. Словно послали её в облака. И весь тот день она оттуда хлестала дождём, заливая мою державу великим потопом. Смывающим и уносящим всё, повсюду оставляющим после себя лишь илистую плодородную почву, в которой однажды сядет на мель и завязнет мой Ноев ковчег.

Это был просто ливень скорби, который не дано ни описать словами, ни изобразить на картине, ни переложить на музыку. И его повторения необходимы – чтобы освежить сознание и подсознание, чтобы напитать им память.

Товарищи! Перестало биться большое человеческое сердце нашего президента и командующего, гражданина мира, вождя и руководителя всех битв и побед, включая и те, о которых нам только предстоит узнать. Великая боль и глубокая печаль потрясли рабочий класс народов и народностей нашей страны. Каждого человека – рабочего, военного, крестьянина, каждого труженика, пионера и оmlадинца⁵, девушку и замужнюю женщину.

Он был нам и отцом, и матерью.

С этого дня все мы навек осиротели.

В стране будет объявлен месячный траур. Все флаги будут приспущены до половины флажштока.

Послушайте музыку из нашей студии.

А затем моцарты и бетховены по сто раз и снова.

Сообщения из информационных центров и прочих нервных узлов моей власти прибывали быстрее, чем когда-либо. Они подтвердили мои ожидания относительно чувственных реакций моих народов и народностей. Я бы даже сказал, что они их превзошли, но не стану. Ибо даже самое лучшее само себя превзойти не может. А меня – тем более.

*Печальная Словения скорчилась от горя!
Разрыдалась и бедная Македония!
Скорбящая Сербия в горьких слезах не захотела отстать
от несчастной Хорватии! И наоборот.
Расчувствовавшаяся Босния не уступила
плакальщицам Черногории!
Мифическое Косово затрепетало на двух
равноправных языках!
Плоская Воеводина, горюя, подпрыгнула выше
любой моей горы!
Далмация без малого утопилась в море!
Кто сможет утешить народы Лики и Кордуна?!*

На географической карте трепетали красные лампочки,
словно вся страна плакала траурно мерцающей кровью.
Мои техники-новаторы превратили скорбь в бенгальский
огонь. Сёла, города, посёлки и захолустья
перемигивались огоньками.

Никто не позволил себе пропустить момент и оказаться
в неприятном положении: даже одинокий пастух зажег
огонёк, чтобы такой же овчар с соседней скалы видел,
как он скорбит и сожалеет.

Это был блестящий фейерверк преданности,
предназначенный одному покойнику – тому,
кто будет всё это наблюдать, оценивать и наслаждаться.

Рабочие прекратили работу. Станкам, окропленным
слезами моих пролетариев, только масло и помешало
заржаветь. Я позволял пролетариям работать не слишком
много, а они позволяли мне править. Поэтому мы
хорошо ладили. Трудящиеся, стахановцы, ударники
пятилетки, Сиротановичи⁶, взрывники, токари и я.

Не меня породил рабочий класс – это я его создал, чтобы
заострить классовую борьбу, которую сам же и успокаивал по
потребности. Диамат внятно объясняет старые и новые законы

истории. Всё остальное – вопрос искусства и находчивости.

Когда у нас не было денег и западных удобств,
я давал рабочим людям право на безделье. Никто
до такого раньше меня не додумался. И я позабочусь,
чтобы никто этот порядок не нарушил.

В это же время заукали сирены на кораблях, автомобилях,
транспортёрах, автобусах и машинах на шоссе
«Братство-единство»⁷, в солдатских казармах
и на пожарных станциях, в глухих сёлах и сонных
городках, на шумных площадях и стадионах.
Города-герои, носящие моё имя, снова оказались
в центре внимания.

Я зорко слежу за тем, чтобы нигде не появились
носители ещё каких-нибудь имён.

Ведь легенды слагались главным образом обо мне.
Тем более, что их писали наши сказители. Почему бы
не продолжать так и в будущем?

Ведь у меня академиков – как псов кусачих. Я даже
сам являюсь почётным членом всех наших академий
наук и искусств. А продолжать хвалить и обожать
своего коллегу – это правильно.

Что там показывают на экране? Вот ученики в школах
столпились возле моих портретов времён войны
и мирной жизни. В детских садах затихли игры и смех.
Младенцы заплакали, словно все разом проголодались.

И даже материнское молоко не смогло их утешить.

Вот профессора прервали свои лекции и онемели.
Студенты встали из-за парт и начали плясать козарацкое
коло⁸... хотя эти кадры, вероятно, были сняты немного
раньше и по какому-то другому поводу.

И сразу же все ощутили одиночество, словно задувающий
отовсюду ветер. Ещё бы. Ведь любой другой станет
для них врагом и натравит их друг на друга. Все они

сейчас так неосознанно стараются сплотиться вокруг меня только для того, чтобы защититься от самих себя.

В больницах и лечебницах прекратили все осмотры и операции, чтобы дать возможность и медикам, и больным стоя выразить свою преданность тому, кого больше нет.

Умер ли ещё кто-нибудь в этот день? О его смерти не вспомнят, даже справки о ней не напишут. Он останется лежать в холодильнике мертвецкой до тех пор,
пока не завершатся мои дела.

Остановились на своих нивах земледельцы.

Покупатели и продавцы вместе вышли из лавок, а шахтёры поднялись из рудников. Пилоты заплакали в кокпитах, выписывая в небе пятиконечную звезду. Все мои храбрые солдаты и верные полицейские стали бдительнее и зорче, чем когда-либо – словно в карауле у Вечного огня.

Все часы на улицах остановились одновременно, как при катаклизме. Потому что время остановилось над Югославией. Замёрзло и оцепенело.
Эта страна больше не будет прежней.

Государственные деятели всего мира получили весть о моей кончине мгновенно, с одним и тем же текстом приглашения на похороны. Мои службы оказались быстрее их посольств и шпионов – впрочем, как и всегда до сего дня. Тут же по всей планете начались приготовления к прибытию на церемонию моих похорон – мать всех подобных церемоний будущего. Разгорелась международная борьба за места на почётной трибуне, которая тотчас же была воздвигнута на последнем месте моего появления на публике. Мне всегда хотелось однажды увидеть мировых лидеров всех вместе. Слишком уж надоели мне тайные встречи с ними один на один. Союзы, антанты, блоки, движения неприсоединения и присоединения.

Я хотел рассмотреть их всех подробно, крупным планом.
Камеры заметят даже то, что им хотелось бы скрыть.
Пусть они стоят все вместе, тесно стиснутые, словно
в театре. Без возможности пошептаться между собой,
подталкивая друг друга, и о чём-то договариваться
на политическом эсперанто. Слишком много среди них
заговорщиков, массовых убийц и извращенцев. Люди такой
породы всегда прилипают к власти, а власть прилипает
к ним. Кто знает, о чём они могли сейчас договориться,
если бы мысли их не были заняты мной? О каких
религиозных и гражданских войнах, кровавых делах,
убийствах, нападениях и перемириях?
Благодаря моим похоронам
на планете Земля на несколько часов воцарится мир.
Впервые с тех пор, как наш далёкий пращур оставил
пещеру и выпрямился, встав на задние ноги.

Фотоаппараты и камеры не зафиксировали ни малейшего
знака непослушания, а уж тем более осквернения моего лица
и дела. В некоторых государствах люди живут только
внутренней жизнью и хорошо умеют скрывать её от других,
которые тоже скрывают всё то, что кипит у них внутри.

Всего остального они лишены, и этим защищены
от искушения. Я доволен своими подданными, правда,
никогда им этого не говорил. Ведь тогда они могли бы
заняться и попробовать сделать что-нибудь по-своему.

У меня они научились не показывать того, что имеют,
и представляться тем, чем не являются. У меня и у тех, кто
был до меня, но о которых никто больше и не вспоминает,
потому что моё появление сдвинуло их с исторической сцены.

Целый день *голубой поезд* шёл от моего последнего холма
до столицы. Он вёз гроб, в котором меня не было, а возле
него в карауле стояли гвардейцы с каменными лицами.
Шёл тот скорбный поезд через шпалеры скорбящих рабочих

и прочих граждан, которые у меня не считались гражданами.

На отдельных станциях он останавливался послушать речи и lamentации местных начальников, печальное пение здешних хоров, а затем шёл дальше под скорбящим небом, опустившимся к самой земле. Камеры следили за всем, словно глаза моих верных соратников. И даже лучше, потому что у камер не бывает катаракты, глаукомы и всего прочего, что приходит к людям с годами. И передавали мне всё, что увидели – прямо в телевизор, стоящий у моих ног...

И снова я оказался под знакомым впечатлением. Все лица были напряжены в старании стать одинаковыми. Они и были одинаковыми, если отсюда посмотреть. Ни одного из них я бы не узнал, если б где-нибудь встретил. Или, напротив, узнал бы – одно лицо как все, и все как одно. Это вызвало во мне ощущение нереальности. Словно я смотрю на что-то, что когда-то уже происходило много раз, и дальше будет на все лады повторяться по сто раз и снова. По меньшей мере дважды я заснул от этого однообразия лиц, а проснувшись увидел всё то же. Мне снилось то, что я видел, а видел я то, что мне снилось. Порой два этих состояния и впрямь неотличимы...

Спустя четыре дня после моего упокоения я слушал похоронную музыку, которую почему-то называют классической, хотя стоило бы называть статической. Речитативы партийных работников. Причитания артистов и журналистов. Рыдания экзальтированных женщин. Плач детей и стариков. Видел как настоящие, так и притворные слёзы. Объединённую печаль державы и всех её подданных. Без малого всех – за исключением меня самого и тех, кто не боялся меня ненавидеть. Я знаю, что такие существуют, хотя и не знаю точно, кто они. Вероятно – те, в которых я не сомневаюсь, в то время как они тайком не сомневаются в себе. Я не стал задерживать на этом внимания:

вечно меня какая-нибудь новая мысль уводит
в другом направлении...

Неважно, какой сегодня день и какой месяц. И какое лето господне. Потому что оно не Саваофово, а моё. И таковым будет в летописи записано. Как последнее и как первое. История будет поделена на две части. В честь этого чуда я и сижу сейчас в кровати, которая временно служит мне и местом пребывания, и рабочим местом. Я обложен подушками, чтобы спина не болела. На носу у меня тёмные очки, а под рукой пульт дистанционного управления. Я один в белой комнате – меня уверяли, что она асептическая. В ней только одна дверь, которой я управляю из кровати. Рядом на столике стоит посуда с чаем. Телевизор у меня в изножье. Громкоговорителей мне не видно – они где-то вне поля моего зрения. Рассеянный свет льётся ниоткуда...

Десятки устройств и аппаратов поддерживают жизнь в этом лабиринте. Он был построен в бункере под землёй как центральный командный пункт, из которого мы сможем дать врагам геройский отпор, взрывая их повсюду, если они захватят нашу прекрасную, но совершенно непригодную для завоевания страну.

А потом мои народы и народности поднимут восстание. Вступит в дело общенародная оборона и территориальная защита...

Мой бункер и лабиринт в нём придумали наши эксперты, которых больше нет на этом свете – там, наверху, где сияет солнце, а птички воркуют, как будто я всё ещё с ними. Они слишком много знали, но это знание им больше не мешает.

Эти помещения строили мастера, каменщики и техники, которых тоже уже нет в живых. О водопроводчиках я вообще не говорю. Они бы наверняка не смогли вынести груз тайны. Кто-нибудь мог бы их жестоко пытаться, чтобы узнать, о чём они молчат...

Груз тайны можно доверить лишь тем, кто скоро исчезнет. И заменить их другими, на них похожими...

...мой дух чист и светел как тогда... когда я появился на партийном собрании перед десятком безбородых юношей и сказал *вот и я товарищи... зовите меня... вы теперь знаете как меня зовут... вы мои я ваш и наоборот... долой горе и несправедливость...* в переломные исторические моменты необходимо изрекать слова попроще... такие чтобы каждый смог запомнить и повторить... а сложное не подходит ни массам ни отдельным личностям... если в наших массах ещё остались личности...

...присутствующие на том легендарном собрании запомнили моё имя... псевдоним как и многие имена до него...

и повторили его тысячу раз словно эхо... они стали привилегированными свидетелями истории... участниками и спутниками... первосвященниками культа и его первыми пользователями... это им подарило мощь какую они самостоятельно не приобрели бы даже в пьяных снах... они владели всем и всеми а служили лишь одному мне... ничего другого они не делали да и не умели... кланялись и соглашались... одобряли и поощряли... дискутировали когда им разрешалась дискуссия... занимались самокритикой чтобы привести меня в хорошее настроение и позабавить... они бы и сейчас повторяли всё что я говорю... но их больше нет со мной... история проглатывает тех кто её творит... или присутствует при творении... кто будет проглочен а кто нет я выбираю сам... но лично никого не глотаю... это я предоставляю специально назначенным глотателям...

...мои похороны должны показать всему миру насколько я славен... любим... уважаем... обожаем... и насколько я незаменим... нет другого такого и не будет... это самый важный день в моей долгой жизни... день похожий

на интерлюдия⁹... я перехожу в другую экзистенцию¹⁰ которая выгодно отличается от предыдущей... ничто её не может ни сократить ни расстроить... она вечна потому что всегда всё та же... а всё та же потому что не может быть ни лучшей ни иной... этот долгий день скорби и печали гибернирует¹¹ все мои предыдущие дни и ночи... и вводит меня в будущее которое надёжнее настоящего... в котором есть одна-единственная опасность... что оно будет монотонным...

...это станет уроком миру и людям... жаль что об этом не напишут книгу... нет писателя который смог бы что-то такое придумать... о том что никто бы и не отважился я уж и не говорю... закодированное в моих похоронах сообщение большинство примет бессознательно... оно на них подействует так же как действовало и всё другое что я им предназначал... подействует извне или станет их внутренним выбором... они ведь уже давно путают себя и меня... и не догадываются о том... и не будут... в таком состоянии они периодически счастливы и постоянно рассеянны... а вот если они поймут что происходит... то их жизнь станет адом в котором со всех сторон начнут вспыхивать пожары свободы... пробиваться пламенные ясные мысли... заклацают зубами неукротимые звери рынка... империалисты вновь наточат ножи и приготовят бомбы... а европейские крючоктворы станут подсовывать им горюх выдавая его за жемчуг...

...один покойник управляет нашим миром уже две тысячи лет... и не выпускает из рук власти... и ни с кем её не делит кроме бога-отца на небесах... наследника на земле у него нет и не может быть... а ведь даже нет уверенности что он вообще существовал... этого наверняка не знают ни те кто властвует во имя его... ни его наместник на земле которого я посетил... только чтобы понять... что и мне есть что сказать среди великих... и что моя власть может

стать последней... почему бы мне не продолжить его власть на постоянной основе... ведь я-то существовал и существую... уж не говорю о том что и буду существовать... у него... у этого моего предшественника... было десять заповедей... я же проповедую только первую...

...я и кое-какие новации внёс в то устаревшее содержание... разрешил всё что тот холостяк запретил... освободил бедняг от страха греха... от боязни нарушений и преступлений... казалось бы я открыл им все двери... на самом же деле я закрыл им глаза... запечатал разум... зачем им учиться размышлять если это ни к чему не приводит... кроме бунта и контрреволюции... я не позволил им слушать ни пения сирен из пучины... ни голосов тех кто не я... или не часть меня... так я воплотил свой замысел на практике...

...картинка в телевизоре резкая чёткая и убедительная... яркие цвета делают её нереальной... как в отреставрированном старом фильме где не замечаешь ни склеенных кадров ни подрагивания камеры... таких красок в природе не существует... человеческий глаз их не ожидает... их произвели машины а потребители приняли их за настоящие и правдивые... всё искусственное людям нравится больше чем натуральное... его легче глотают и быстрее переваривают... сейчас включены все камеры какие только есть в моей столице... принадлежащие государству и информационным агентствам... даже частные если такие есть... все передают одно и то же... частями... в подробностях... а общую и целую картину вижу один лишь я...

...процессия движется к моему последнему пристанищу на славном холме что зовётся дединье¹²... ему почему-то ещё не присвоили моё имя... и эту торжественную и печальную улицу также в мою честь не переименовали...

а надо бы... по крайней мере на срок пока длится похоронное торжество и воспоминания о нём... раньше мне никогда не приходилось особо напоминать о таких вещах... камеры то и дело показывают адресные таблички на домах... на них начертано имя какого-то князя из прошлого века...

известного лишь потому что он родился раньше меня... он и не догадывался что его я тоже унаследую... как и других вельмож... королей... царей и президентов... заметил ли кто-нибудь эту аномалию... если нет то почему... а если заметили то почему не потребовали немедленно переименовать... в любом случае они виноваты... нехорошо не быть бдительным... как и слишком бдительным быть нехорошо...

...чёрный гроб на серо-оливковом военном лафете... эти два скверных по отдельности цвета в таких обстоятельствах неплохо сочетаются... в гробу лежит тело прикрытое трёхцветным государственным флагом и кучками отечественных и иностранных наград... выданных мне особо... я их притягивал как магнит железные опилки... даже стараться не приходилось... все и так знали что мне полагается... мне не досталось только ленты этого разбойника нобеля которого я и сам бы не удостоил приглашения на свой остров... тем более на тот мой личный островок¹⁵... как он к дьяволу зовётся... где я выращиваю смоквы и своими руками собираю лимоны для сироток... и для каждого тринадцатого ребёнка¹⁴...

...этот кажущийся испытанным от долгой болезни старик с искусственной челюстью и пересаженными красноватыми волосами как у клоуна... с обвислыми щеками и заклеенными изнутри тонкими губами... чтобы не зевал как дохлая рыба... с увядшей кожей и синими веками закрытых глаз... он очень похож на меня... даже мне он кажется похожим

на меня... никто на свете не смог бы заподозрить что это не я... просто немного изменившийся от тяжкого умирания и плохо забальзамированный... кто видел останки ленина тот уже ничему не удивляется... ильич получился меньше самого себя и некрасивее... а ещё ему каждый день повязывают какой-то пёстрый галстук...

...тот кого сейчас торжественно хоронят был лучшим из моих двойников... безупречный дубликат... без малого я... моё зеркальное отражение подсунутое мне высшей силой... мой близнец пришедший из тьмы веков чтобы заменить меня... я буду таким же если когда-нибудь однажды телесно умру... но это только одна из двух уготованных мне возможностей... первая это жить вечно... а вторую я и рассматривать не хочу... не согласен я с ней и это моё окончательное решение... пусть этим занимаются историки и романисты... кто не родился тот и умереть не может...

...однажды утром он появился в моём парке за спинами бдительных караульных и неустрашимых гвардейцев... за наэлектризованным высоким забором и всякими прочими системами защиты моей особы... мимо всех систем охраны дрессированных псов и дежурных глаз незамеченным и невредимым смог бы пройти только призрак... если в этом мире ещё встречаются призраки... он сидел на могиле... спокоен словно просто гулял и остановился выкурить сигару... наслаждаясь восходом солнца... слегка наклонившись вперёд... засмотревшись в пустоту... таким я его застал когда утром пошёл навестить ту которой больше нет и которая иногда зовёт меня к себе... и что нужно этой женщине...

...я увидел его когда он увидел меня... он не испугался и не обрадовался... не встал мне навстречу... смотрел на меня большими глазами... в которых я прочёл что он пришёл

из того ниоткуда... которое было до меня и до него... без имени и без происхождения... совершенно одинок... даже больше чем я... нам не нужно было слов чтобы понимать друг друга... наше молчание звенело от этого понимания...

...я дал ему знак идти за мной... угостил его завтраком ожидавшим меня на столике возле окна в парк... глазунья из двух яиц и немного жареного сала... и ещё жирного сыра... раз доктора запрещают значит это хорошо... предложил ему свою особую утреннюю гавану... мои чёрные псы особой породы на него не рычали... принимали его как меня... и только его... мне на мгновение показалось что они даже и не различают кто есть кто из нас двоих... а может быть они и видели только одного... как и большинство моих сотрудников и домашних помощников... никто другой к ним и подойти бы не посмел... к собакам разумеется не к сотрудникам...

...я сменил охрану после этого случая... вернее я их и так периодически менял... чтобы не видеть постоянно одни и те же лица... любой стражник однажды превращается в сонного ленивца мечтающего о лучшем месте... и всякий засоня если не бредит во сне то спит и видит как бы самому занять место хозяина... троих шефов безопасности я заменил также... они исчезли при невыясненных обстоятельствах на радость следующей троице... которая тоже однажды исчезнет... любое ремесло может оказаться вредным для здоровья...

...своего двойника я не трогал... и не пытался узнать кто его послал... я уверен что там откуда он прибыл никого и нет... в пути он никого не встретил потому что не был в пути... его не произвели в лабораториях цру или кgb и не подбросили мне под чужим именем... он просто воплотился у меня перед глазами... только для меня одного... для завтрашних потребностей моего великого замысла...

я оставил его во дворце чтобы всегда был под рукой... приказал чтобы ему приготовили комнату похожую на мою... и дали ему вещи которые я однажды носил... я никогда не надевал дважды одну и ту же рубашку и не позволял себя фотографировать в одной и той же одежде... так что одежды и обуви у меня хватило бы для полка двойников...

...он жил подле меня без движений и без слов... не обходил дворец... не гулял в парке ни утром ни вечером... даже под видом моей тени... не смотрел со мной вечерний фильм и не выпивал ритуальный чивас... мои полковники... майоры... капитаны и поручики которых я использую по дому не обращались к нему по имени... никто не знал как его зовут... безымянные не могут именовать себя сами... кто-то должен сделать это за них... моя супруга была в отъезде и поэтому не могла наделить его именами из своего села... никтодар нигдениктович¹⁵ или что-то вроде того... у неё на родине фамилии даются по прозвищам... может быть именно из-за него я её и отослал... она единственная могла бы нас различить... разве кто-нибудь другой осмелился бы сказать что тито не тито...

...и тогда у меня в голове сверкнула мысль о спектакле который я сейчас и устраиваю... со всеми государствами мира как публикой... с моими народами и народностями как печальным хором... с репортёрами и телекамерами как свидетелями... с ним возле себя... с ним вместо себя... мысль эта засияла как лампочка в ночи... блеснула словно откровение... и осветила мне грядущее...

...когда я окончательно решил начать величайшее представление на свете то позвал его в свою комнату... я только что позавтракал и собирался закурить утреннюю сигару... после гаваны мне легче выносить людские лица... и не так тяжело сообщать вещи которые кого-то

убьют... а кого-то другого поднимут к небесам...
я не предложил ему сесть как это иногда делал чтобы
позабавиться... поглядывая на себя самого но другого...
*без колебаний товарищи прямо в серёдку... пока вы
раздумываете злодей уже освоился как влитой... но пасаран...*

...я сообщил ему о том что готовится... и какова будет его
роль в дальнейшем течении истории... всё это я выразил
в нескольких словах... не склонен я к долгим предисловиям
и обширным пояснениям... ни одна моя жертва не может
сказать что я был с нею суровее чем требовалось... или
что я был мягок если неизбежным было кое-что другое...
я ему не лгал но и не сказал всей правды... я осторожно
смотрел на него и видел себя принимающего весть о своей
скорой смерти... спокойно словно мне объявляют о скучном
дипломатическом обеде где я должен присутствовать...
и после которого немного подремлю в кресле... так выйти
из себя и вжиться в других могут только настоящие великие
люди или их удачные двойники... войти в них настолько
чтобы дотронуться до их нервных центров и мозговых
клеток... и влиять на них изнутри...

...его лицо осталось неподвижным... серые глаза которые
считают синими смотрели куда-то мимо меня... сквозь окно
в парк... туда где я встретил его тем памятным утром...
в сторону могилы на которой я его застал... ни одна чёточка
на его лице не дрогнула... он зашагал к двери... потом
повернулся и посмотрел мне в глаза... так бы я сам со стороны
смотрел на себя... без ненависти и без любви... *позволь мне
задать тебе один вопрос* сказал он голосом который вся
страна узнавала по радио и телевидению... моим голосом...
*я похож на тебя похожего на меня... но если ты похож
на меня тогда и ты не тот кто ты есть...* он повернулся
не дождавшись ответа который я всё равно не сумел бы ему
дать... слеза скользнула по его щеке словно ему было жаль

себя или меня... или нас обоих одновременно... может быть это старческая привычка которой я раньше не заметил... плакать как только вспомнишь о чём-то грустном или просто так... я постарел в нём вместо того чтобы постареть в себе...

...мне стало жаль что мы расстаёмся в тот час когда с нескольких напрямую сказанных слов я открыл в нём интересного человека и собеседника... выходя из комнаты он был старше себя и меня... иногда мне здесь внизу кажется что я по нему скучаю... порой я верю что встречу его снова... временами мне кажется что я парю под потолком и вижу его лежащим в моей кровати и разглядывающим на телеэкране мои похороны и меня в его гробу... словно мы поменялись местами... немного позже я понимаю что это я смотрящий со стороны... не скрывает ли этот лежащий на кровати какую-то опасную тайну...

...мне приписывается выражение которое превратилось в политическое правило... *не держать все яйца в одной корзине*... самое важное для себя надо хранить понемножку на каждой противоположной стороне... я никогда не отвергал того что шло мне на пользу... и не принимал того что могло мне навредить... соратники всегда удивлялись моей способности поддерживать переменное равновесие между востоком и западом... между противоположностями которые через меня соприкасались и во мне как-то мирились... *как вы осуществили эту квадратуру круга товарищ президент... я открыл двери и тем и другим... извольте господа и товарищи... посмотрим кто чего и сколько даст... а уж мы выберем из вас лучшего...*

...мои народы и народности давно уже выставлены на аукцион великих сил... чего не дают одни то дают другие... они ещё будут соревноваться чтобы показать кто из них богаче и щедрее... пусть развязывают мешки и кошельки...

и продолжают ссориться как ссорились до сего дня...
пусть разгоняют гонку вооружений которую обоюдно
проигрывают... но моя прямая мысль проста... яйца
вообще не нужно держать в корзине... мои всегда со мной...
пока они у меня под рукой всё в порядке... а вот когда другие
поймут где они... то уже ничего не поделаешь... сперва
они решат что я уже не так хитёр... потом что я ослабел...
что теперь меня можно стиснуть за яйца... и завернуть их
пока я не вскрикну от боли и не отдам власть... я ведь и сам
поступил точно так же с претендентами на моё владычество...
крутил и стискивал пока не оставили своих требований...
*кажется карету чью-то поломали...
милана ли грола¹⁶... короля петра ли...*

...мой замысел будет успешным... если вдруг не появится
тот кто сможет этот план испортить... кто сможет уверить
других что ему стала известна моя формула власти...
кто захочет убрать остатки моей власти и заменить её
властью своей... ради общих интересов и для общего
блага... кто сможет убедить в этом сотню фанатичных
маньяков... которые потом убедят всех остальных...
как это уже происходило несколько раз в этом веке...
одни будут убраны... другие изгнаны... третьи арестованы...
пятые забьются в мышиные норы... техника всегда одна
и та же... даже исполнители похожи... меняются лишь те
кто отдаёт приказы...

...а начинается всё сотню раз рассказанной историей
которая всегда действует на людей так словно она новая...
как будто другой нет и быть не может... *вот смотрите...
всё это никуда не годится... богатые богатеют... нищие
всё больше нищают... вашим детям будет ещё хуже чем
вам... а я предлагаю вам кое-что получше... равенство
и справедливость... братство... единство... дайте мне
немного власти и немного времени... молчите...*

*не спрашивайте... следуйте за мной к роскошным рекам
и цветущим долинам по которым текут мёд и молоко...
на пути к раю нет ни преград ни угрызений совести...
убивайте чтобы не быть убитыми... после этого всё чужое
станет вашим... отнимайте всё что было у вас отнято...
станете первыми и единственными в мире
от лондона до токио...*

...для начала мне тоже этого было достаточно... разве что
я добавил свою собственную изюминку... *смерть
фашизму свобода народу*... хотя я не дал и намёка
какой именно народ я имею в виду... у нас ведь их было
много... и каждый подумал что речь идёт о нём...
а после всё как под горку катится... власть увеличивается...
усиливается... утверждается... украшается и ширится...
словно несгораемый дирижабль... в конце концов тебе
над нею и трудиться уже не приходится... она сама себя
продлевает... обновляется изнутри и развивается...
превращается в гранит памятников... светом своего
искусства озаряет небеса... сама производит свою энергию...
сама же её и тратит... это единственный работающий
перпетуум мобиле... если он у тебя в руках... и если знаешь
на какую кнопку нажать... а самое главное когда...

...чтобы помешать этому злодею-самозванцу мне нужно
терпеливо просматривать трансляцию похорон... и среди
тысяч тех кто не прячется распознать того кто прячется...
если он существует... но он всегда существовал и всегда
будет существовать... ведь это правило... убить отца...
ухлопать короля... ликвидировать президента... напиться
крови того кто тебя сотворил... исключений нет... нет
ни одной власти что упала бы с неба... и ни одной что
была бы от бога... всегда находился кто-нибудь... кто её
завоевывал отнимал или брал силой... и убеждал других
в том что она должна принадлежать лишь ему...

...я знаю что этот некто неизвестный сейчас скрывается...
как скрывался когда-то и я... и так же как когда-то я
он носит безупречную маску незначительности... нет
у него ни вони ни аромата... ничем он не выделяется...
не отличается от окружающих... глядя на его беззлобное
лицо никто и не догадывается какие мысли кипят у него
в голове... особых примет нет... он неприметен тих
и скромн... не плачет и не смеётся... чувств своих
не показывает... он лёгок как пёрышко... свободен от всего
что отягощает... и готов на всё... и способен жертвовать
тысячами и миллионами... к небесным высотам он пойдёт
по трупам которые сгниют в грязи... и унавозят землю
для следующего властелина...

...никто на него не обратит внимания... ни полицейские... ни
тайные службы... ни дежурные идеологи... ни репортёры...
ни политики что понавалили сюда из ста сорока с лишним
стран мира... ни их разведчики... ни камеры всех
телекомпаний... потому что они ищут такого кто будет похож
на меня... а не на себя... потому что на самом деле они ищут
меня в каком-то другом обличье... один лишь я смогу понять
кто он... потому что снаружи он ничуть не будет на меня
похож... я узнаю его по тому что его отличает... не от меня
а от его представлений о том каким я его представляю...

...я буду пересматривать эти кадры до тех пор пока его
не обнаружу... времени у меня полно... как у астронавта
в космическом путешествии... системы жизнеобеспечения
функционируют бесшумно... кадры на экране сменяются
и повторяются... я бы предпочёл чем-нибудь другим заняться
чем раскладывать этот пасьянс подозрительных лиц...
и постоянно видеть одни и те же карты... пожалуй сперва
пересмотрю неподозрительных... впереди у меня дни и ночи
в которые мне никто не помешает... но никто и не составит
мне компанию... я одним движением освободился

от этой ерунды... как и от всего другого... у меня больше нет государственных обязанностей и забот... мне уже не нужно рано вставать... я не участвую в повседневных делах... не подписываю никаких бумаг... можно обойтись без меня... но нельзя без моей власти и без культа на котором она держится... как тело не может без нервной системы... а та без лимфы и крови...

...поэтому моя держава продлится сквозь века... она станет чудом среди прочих государств... одна без президента... без маршала и без главного полицейского... без генсека и без вождя... но со всеми ими в одной отсутствующей личности... и левые и правые будут платить чтобы узнать что же в ней делается если ничего не делается... кто же в ней властвует если никто не властвует... может быть это армия... полиция или ещё какой третий дьявол... балканская нечистая сила или бестелесный разум с какой-нибудь далёкой звезды... я смогу дождаться всего этого и увидеть... времени у меня больше чем было когда-либо... я единственный у кого действительно есть время... потому что я выскочил из времени... я старик которому уже не стать старше... но и помолодеть не дано... а это значит что я не старик... и нет на мне вины за всё плохое что случилось... просто оно должно было случиться...

...у этого пульта дистанционного управления есть функция какой нет ни у какого другого... нажатием кнопки я могу остановить изображение... остановить события на экране... как раньше мог остановить их в действительности... в этом межвременье я могу заняться чем-нибудь другим... отдохнуть или поспать... посидеть и подумать... или просто посидеть... книг здесь нет... вряд ли я стал бы читать когда это явно не ко времени... тем кто хочет совершить что-нибудь великое я советую вообще не читать... для политических акций нужен ум не загаженный фантазиями и предположениями...

чистый как у животного которое вышло из доисторической пещеры... готовое нападать и обороняться... и поэтому оно пережило других... и себя... и стало тем чем стал я... зверем над зверями который иногда может позволить себе и не быть зверем... может отдохнуть когда сыт...

...когда мне захочется...когда проснусь... когда спросонья зевну... стоит только нажать кнопку... картинка оживёт точно в тот самый момент в котором была остановлена... события вновь двинутся как ни в чём не бывало... так почему бы не сделать то что я могу а другие не могут... вот я нажимаю кнопку... картинка останавливается... крупным планом трёхцветные знамёна приспущенные на полдревка... теперь я могу спокойно поговорить сам с собою... лучшего собеседника я и раньше не мог найти... а в последние годы вообще было хуже некуда... всё стало пресным... скучным... всегда одно и то же... одни повторяют мною сказанное... другие повторяют ими повторённое... я себя-то никогда не мог уговорить с собой поспорить... ни одна власть не терпит двух мнений... а моя и одного не терпит кроме моего...

...любой правитель знает что подчинённых иногда нужно удивлять... только не слишком часто... их нервная система не выносит перемен... подчинённые это порода неизменяемая... они много чего не могут... мало что умеют и хотят... они ограничены и поодиночке и группами... поэтому и работать не могут ни поодиночке ни в группе... они просто стоят вокруг меня... блаженно улыбаются и кивают головами... не стоит прививать им дурную привычку ожидания событий... всё уже случилось и ничему новому случаться не нужно... чтобы они были довольны собой и мной необходимое количество высоких слов будет мною высказано в нужный момент и в нужном месте... *товарищи! со всей ответственностью утверждаю...* а потом можно говорить что угодно... что хорошо звучит а главное ничего

*не значит... рабочее самоуправление... сельская реформа...
возвращение к ценностям революции... расследование
происхождения имущества... имеешь дом верни квартиру...*

*...шёл я как-то раз вместе с начальником генштаба...
я впереди медленным шагом... мой спутник позади
в шаге от меня... мы не торопились... оба уже шагнули
за восемьдесят... по нему это видно... а мне такое
сказать никто не решается... мы ностальгически размышляли
о том как быстро мы бегали во время освободительной
войны и триумфа революции... никто нас тогда не мог
догнать... кроме других бегунов... но победителями
становились самые быстрые... вот мы ими и стали... пока
шли я молчал... мне хотелось удивить его и испугать...
иногда мне казалось что он дремлет даже когда стоит
передо мной по стойке смирно... просто погружается
в себя... разве что глаза держит открытыми и не храпит...*

*...внезапно я заговорил чтобы его разбудить... слушай никола
прошу тебя... если я когда-нибудь умру... он прервал меня
тотчас... не смейте больше никогда при мне произносить это
слово товарищ маршал главнокомандующий и генеральный
секретарь... вашу... вы поняли о чём я... я точно не переживу
как ваш ближайший соратник... и никто из моих генералов
полковников и майоров... сразу после этого мы совершим
самоубийство... мы ваши самураи... за все годы что он мне
служил я впервые поверил ему хотя он и до этого не лгал...
для лжи у него не хватало фантазии... ему даже слов ни для
чего не хватало кроме как для службы... но в нужный момент
он нашёл золотые слова... болваны умеют антиципировать¹⁷
будущее... эксперимент мог начинаться... и начался...
ход его я вижу на экране...*

*...я слушаю свой голос хотя мне кажется что я шепчу... ясно
и разборчиво в моих ушах отзываются эхом из прошлого*

мои речи на площадях разрушенных городов... после освобождения от иноземных оккупантов и от своих предателей... *братья и сёстры*... это позже я ввёл товарищей... *из этих великих страданий моего сердца прорастает свободная страна... наши мучения кончились... наши раны исцелятся...* я должен был говорить черни что теперь она свободна от оккупантов и их слуг... что теперь наш черёд... тех кто придёт к власти на белом коне и с винтовкой в руке... *мы ваша армия... все остальные предатели*... завтра мы определим кто попадёт в освободители... кто в слуги оккупантов... кто в нестойкий элемент... я не злил их расстрельными списками... их составляли наши кадры на местах... реализацию экзекуции выполняют мои крцуны¹⁸ под покровом ночи... а остальное предадим народной воле... которая на самом деле наша воля... а вместе мы сильнее всех... пусть сами освобождённые решают кого линчевать... кого ограбить... чью жену отнять... чьё потомство ликвидировать... чей дом захватить... *капиталисты пьющие народную кровь... жулики-фабриканты и пузатые торговцы... верните народу всё что у него отняли*... на следующий день вводим мои законы... новые порядки и обычаи... которые большинство людей станет уважать так же как и старые... если бы люди не терпели поработителей не стерпели бы и меня... они привыкли ко всему... и я не собираюсь отучать их от этой зависимости... им она нужнее чем мне...

...голова погребальной процессии проходит мимо генштаба... куда я как маршал и верховный главнокомандующий заходил нечасто... не заходил и как генсек и президент с неограниченным мандатом... я не хотел смешивать должности... это генштабисты приезжали ко мне на холм не зная что их ожидает... смещение или продвижение...

или на мой остров в ядранском море... мы были готовы к войне так словно завтра будем убиты а жили так словно войны не будет никогда... упаси бог открывать военным свои намерения... да и чужие награды в большом количестве меня раздражают... особенно когда видишь их все в одном месте...

...вот за лафетом шагает моя семья... так об этих людях пишут в газетах... так их называют ораторы... мужчин и женщин которых я признал... их мужей и жён... и их детей... как и детей тех детей... а ведь в скорбящей массе рассеяны и те кого я не признал... кого-то не захотел... о ком-то забыл... кого-то мне не предъявили их матери... я не знаю кто они... в толпе я своих не узнаю даже если камеры покажут их крупным планом... кто из них знает о том что имеет со мной кровное родство... половину тех же генов с источником мощи и власти... из которого потечёт бессмертие как когда-то священное миро...

...две вещи неожиданно изумляют умного человека
здесь внизу...

первая это семья из которой он происходит...

а вторая это семья которую он создаёт сам...

так известный человек происходит из семени неизвестных...

и своим семенем сотворяет неизвестных... иностранцев и неприятелей... чужаков которые считаются близкими...

дураков которых ему приходится терпеть... циничный случай насмехается над ним безжалостно... дав ему родителей каких он никогда бы не хотел... и потомков

от которых он бы с радостью отрёкся... вот и мои не исключение из этого правила... ну какая у меня с ними связь... как и у них со мной... разве что для протокола...

...процессия шаг за шагом идёт вперёд... к моему вечному дому вблизи которого я сейчас нахожусь... когда траур

закончится я может быть переселюсь в какое-нибудь скрытое место поудобнее... в моей державе бункеры есть повсюду... мы их строили на кредиты запада из материалов востока... разумно побаиваясь обеих этих сторон... бункеры у нас были глубже и их было больше чем у этого любителя энвера ходжи¹⁹... на случай атомной войны... и вообще всего непредвиденного что история задумывает и подбрасывает своим избанникам... предосторожности лишними не бывают если владеешь тем чего ни у кого нет... мои соратники могли бы превратиться в кротов и рыть пока меня не найдут... или пока не затеряются в лабиринте план которого я держу в голове... надеюсь что я его не забыл...

...я никогда не был ребёнком... совершенно не помню какого-то там мальчишку и не знаю как он подрастал... рассказы на эту тему придумывали другие... взяв сколько-то мяса действительности они закутывали его в одеяния из искусственных слов... это было их дело... моё же было существовать... и вот я существую... в этом я даже сам себя могу уверить... я сижу в своей кровати как тело и как дух одновременно... не потею... моя белая рубашка чиста... пульт дистанционного управления у меня в руке... я смотрю передачу глазами которые все считают синими как море... чудо и мистерия в одной асептической комнате... в подземных строениях бункера где всё продолжается... сейчас все без исключения взгляды направлены на мои похороны... никто ничем не занимается кроме как ими... даже карманники и взломщики взяли выходной... и убийцы на мгновение забыли свою кровавую страсть...

...то что я помню это не воспоминания... воспоминаниями пусть занимаются другие... у меня для этого не хватает терпения... передо мной только настоящая жизнь... эти кадры которые я нарезаю перед собой словно карты

в пасьянсе на которых нет ни индексов ни фигур...
кто кроме меня может увидеть весь этот ряд проекций...
которые кружатся... превращаются в спираль... приходят
сами по себе и уходят в никуда... иногда мне кажется что
эти картины придумал не я... я просто участвовал в них как
актёр который вмешивается во множество параллельных
представлений... просто появляется где хочет... играет
без режиссёров и мизансцен... и сам себе аплодирует...

...есть по меньшей мере тысяча книг посвящённых мне...
не знаю прочитал ли кто-нибудь эту библиотеку кроме
государственного прокурора и моих неприятелей... сперва
они были моими обожателями но отчего-то разочаровались...
начали сомневаться сначала в себе а потом и во мне... *броза
не схватишь ни за хвост ни за голову... кого он обманывает
братские советы или американцев... или как шлюха
продаётся третьему миру...* впрочем свои сомнения они
даже от зеркала скрывали... и никогда не вели дневников
не писали мемуаров... я их всех по списку держал на оплате
чтобы они лишь гундели между собой и спокойно растили
внуков... немилость моя их осияла как когда-то милость...
без меня их бы не существовало...

...все покупали те книги и держали их на полках
чтобы другие видели... офицеры... судьи... учёные...
писатели... музыканты... метеорологи... пограничники...
контрабандисты и тюремные охранники... не столько
из-за полиции которая физически не могла заглянуть
в каждый закоулок... сколько из-за ближних
которые могли донести соседям... такой порядок заведён
во всех государствах которые держатся на внутренних
связях... но ни одна из этих книг не рассказала
обо мне всего что нужно... особенно о самом
главном и тайном...

...вот те воспоминания которые я признаю... которые всегда ношу с собой... храню их словно амулет защищающий меня от злых сил... без них я бы не стал тем кто я есть... не было бы меня... или кто-то другой сидел бы на моём месте...

...город назывался москва и сейчас зовётся так же... даже виссарионыч не решился сменить ему имя... год был тридцать какой-то этого века... отель носил имя люкс ещё до революции... его постояльцы съехались со всего взбудораженного мира... пользовались вымышленными именами... прозвищами ставшими их второй натурой... ещё никто и никогда не собирал в одном месте столь безумного общества... ни один фараон или калигула... и ничьи чудачества не достигали таких размеров как у нашего хозяина... которого я даже наедине с собой избегаю называть по имени потому что и описать его не сумею... он был настолько выше других... всех нас поодиночке и вместе взятых... только сам с собой и мог сравниться... если б ему удалось пережить себя он бы и сегодня был таким... будучи убеждён что охраняет власть которую никто у него не оспаривал он убивал всех подряд... вместо того чтобы убивать лишь тех кто действительно мог бы её у него отобрать... я не стал повторять его ошибок...

...идеалисты с диоптриями и рабочие сбежавшие от работы...

...фальшивомонетки и изготовители поддельных паспортов... недоучившиеся студенты... те от кого отреклись их семьи и друзья... тайные преступники... авторы сумасшедших утопий... полицейские агенты... не добившиеся признания артисты... извращенцы всех мастей... известных и будущих... вожди кровавых и неудачных восстаний... суфражистки с застывшим взглядом словно в их глазах окаменел разврат... цирковые фокусники... неудавшиеся самоубийцы...

разрушители старого мира... о новом не имеющие представления... кроме того что он не должен походить на предыдущий и должен родиться из крови миллионов...

бесплодные дамы из предместья... агитаторы с дешёвыми брошюрками в руках... мужчины без мужества... беглецы от закона... профессиональные каторжники... таковы были постояльцы нашего бесплатного отеля... поодиночке они не значили ничего... каждый считал себя сплавом из ничего и всего... а вместе они были армией которая разрушит власть классов и переплавит планету идеями справедливости и равенства... *создать общество без подлости в восстании против подлости...*

...единственное окно смотрело на заледеневшую улицу по которой слонялись безликие фигуры... дверь выходила в мрачный коридор по которому проскальзывали чёрные тени... из соседних комнат ничего не было слышно... ни ссор ни смеха... никто не пел... если кто и плакал то делал это у себя в комнате очень тихо... временами я представлял что комнаты вокруг меня пусты и что я единственный постоялец этого продутого сквозняками отеля в котором не было отопления... только за обедом или ужином в большом старинном зале я видел множество напряжённых лиц которые пялились друг на друга... словно ожидали нападения или сами готовились напасть... это была элита мирового пролетариата которую здесь считали хулиганьём... капиталистическими шпионами и буржуазным сбродом... не без оснований...

...стоило отвернуться как те случайные лица исчезали... они менялись ежедневно словно в ателье кладбищенского фотографа... и все демонстративно показывали что ничего не замечают... неустанно цитируя классиков марксизма... больше всего ильича и виссарионыча... они бы с радостью превратились в хрустальную люстру которая не тронутая

революцией висела над нашими головами... но они этого не могли как не могли и ничего другого... они находились на освещённой сцене на которую кто-то смотрел из сумрака ложи время от времени показывая на них пальцем... тот на кого показали пальцем исчезал... а остальные статисты этого не замечали... поэтому в пустоту уходил следующий...
а потом тот кто стоял рядом с ним...

...для меня эта лотерея смерти длилась несколько долгих месяцев... покрытых снегом и мучимых ветрами ужаса что задували из зловещего дворца... окна которого светились каждую ночь... в нём виссарионыч наблюдал за нами и за своим смертным страхом... он боялся своих ближних которых когда-то особенно выделил... он знал какие вокруг него ничтожества и злодеи и что они о нём втайне думают... то же что и он о них и даже ещё хуже... и из такого ничтожного материала лепились палачи будущего... не спали и его соратники и доносчики его соратников... и соратники их доносчиков и простые жители... те что стали лишними после экстерминации²⁰ побеждённых классов...

...ночами по всему первому государству рабочих словно миллионы недоверчивых глаз светились окна... каждый за кем-то наблюдал и был под наблюдением каждого... нужно было скрыться от чужих взглядов... ничем не привлекать внимания... стать полностью невидимым... присутствующим и отсутствующим... не показывать что ты здесь... но и не скрываться... не выделяться... и не быть слишком замкнутым... любое необычное поведение могло привлечь внимание тайной полиции или соседа... и любого члена партийной ячейки... всё что угодно могло привести к ночному аресту... и исчезновению на лубянках и в лагерях... откуда временами возвращались тени бывших людей чтобы прошептать насколько верховный добр и мягок... и какая у него стальная но православная

душа... а некоторые добавляли что у него две души... одна разговаривает с мёртвыми... а другая с ещё не рождёнными...

...глядя на замёрзшие крыши того города сегодняшних и будущих мертвецов я дал себе обещание что никогда больше в моём распоряжении не будет всего одной комнаты... чтобы меня держали в четырёх стенах и приучали к шагам часовых что звонко щёлкали по красной площади словно трескающийся лёд... нет я хочу иметь даже не квартиру... даже не дом... у меня их будет столько сколько мне нужно... даже если я в них переночую всего-то два раза в год или вообще никогда... и в каждом будет тайный выход... я не хочу дожидаться исполнителей в кожаных плащах... я сам буду посылать их к другим... а это мне могла обеспечить только компартия... которая убрав все другие партии станет единственной... гибкой как змея... послушной как женщина... твёрдой как лезвие бритвы... в идеологические тонкости я не лез... они и позже мне никогда не требовались... маркса и энгельса я предоставил своим низшим соратникам...

...но сперва нужно было пережить близость этого центра силы... покинуть магнитное поле кремля которое неумолимо притягивало и уверенно убивало... выйти из виссарионичева круга смерти который он называл заострением классовой борьбы... а мы все дружно за ним повторяли... чтобы как-нибудь сохранить головы... уйти достаточно далеко чтобы он уже не мог меня достать даже с помощью своих щупалец по всему миру... но и остаться достаточно близко чтобы он считал меня своим верным человеком... и незаменимым там куда он хотел меня послать во имя мирового пролетариата... каждый час жизни казался мне победой... а каждый день подарком судьбы... завтракал я так словно не дождусь обеда... а ужинал так словно готовлюсь уйти и не вернуться... виссарионич держал в своих когтях и наши души... заледеневшие от близости

могилы и уже не способные оттаять... в том деле для которого мы себя готовили они нам только мешали... мы бы от них с радостью отrekliсь и бросили к его ногам... ему этого было довольно для начала... тела он убивал позже...

...однажды вечером я вошёл в свою комнатку и закрыл за собой дверь... ключей у нас не было и мы не смели их попросить... приватность это буржуазная привычка... как и пристойность... борцы за новый мир не страдают от слабостей человечества вошедших в обычай... я сразу понял что в комнате кто-то есть... не было ни света ни отблеска с улицы но я знал кто он и как выглядит... мне не нужно было его видеть чтобы понять что мне уготовано... ни спрашивать его чего он хочет... всю процедуру я уже выучил на примерах других комнат... удивительным было лишь то что не пришли двое... я замер и прислонился спиной к двери... не стоило дёргаться и возмущаться... сбежать до сих пор никому не удавалось... предполагаю что никто и не пытался... в коридоре наверняка ждёт кто-то вооружённый... из соседних комнат прислушиваются неспящие соседи... счастливые оттого что посетитель пришёл не к ним... глупо было и приветствовать его... кто-нибудь мог подумать что я разговариваю сам с собой... я стоял словно ожидая пули... и ощущал как мои колени начинают трястись... больше я ничего не чувствовал... только холодный пот скользил по моей спине...

...потом я услышал мужской голос... ровный и монотонный словно его издавала машина... и одновременно знакомый словно я его слышал в каком-то фильме... он доносился из тьмы прямо передо мной... *если у тебя нет более важных дел то можешь сесть... иначе ноги тебя предадут... и ты ещё рухнешь на меня в этой темноте... а я и без того не выношу вас потеющих от страха... по этому отелю пройти невозможно из-за вашего*

коллективного смрада... я не знаю как шагнул вперёд и сел на кровать... значит мой посетитель должен быть на стуле у окна... я медленно повернул голову... но в серой рамке окна ничей силуэт не просматривался... а голос продолжал звучать словно находился передо мной... и одновременно за моей спиной... и где-то в стороне... а сейчас соберись и приди в себя... у тебя под рукой стакан водки чтобы подкрепиться... у меня нет желания разговаривать с кучкой мелкобуржуазного страха... надеюсь ты меня понял... и я ответил спонтанно словно в строю... так точно товарищ...

...и сию же секунду выпил последнюю в своей долгой жизни водку... в тот момент ничего лучшего у меня под рукой не оказалось... она обжигала так словно в ней растворили паприку со жгучим перцем... любимое питьё хозяина для членов политбюро и коминтерна... этим питьём он их поил долгими ночами бдения и страха... спасибо товарищ...

...снова зазвучал голос невидимого... никакой я тебе не товарищ... и становиться им не собираюсь... и я не тот в кожаном пальто кого ты ожидаешь... и не тот кто ему приказывает... и даже не тот кремлёвский безумец которому не суждено заснуть... пока ты этого не поймёшь ты и из того что я скажу ничего понять не сможешь... соберись и слушай... колени мои перестали трястись... и я услышал свой глухой голос спрашивающий... кто же ты человек... а потом ответ из темноты... я и не человек... лучше сказать что когда-то давно я им был... и перестал быть... я нечто большее чем это промежуточное звено между существами... и нечто разнообразнее... может быть переходный облик от человека к богам... первый пример новой породы который может оказаться и последним... но всё это неважно ни для нашего разговора... ни для предложения которое я тебе сделаю...

...виссарионычева водка крепко ударила мне в голову...
крепче чем любой виски в мои последующие годы...
она была чем-то средним между отравой и блаженством...
от неё мой страх словно обессилел... поэтому я сказал...
*тогда предлагай... может быть твоё предложение мне
понравится... и услышал что-то похожее на смех... это
от тебя не зависит... от меня ты не услышишь этой
старинной формулы возьми или откажись... тебе придётся
взять... потому что если я сейчас отсюда уйду то войдёт
тот кого ты ждёшь... и ты из этой комнаты в своём
сегодняшнем облике больше не выйдешь...*
я взял себя в руки и сказал как можно покорнее...
понимаю... последний раз в своей карьере...

*...раз так то я продолжу... слушай хорошенько и
запоминай... ни повторений ни объяснений не будет...*
и пока он говорил у меня всё ещё слегка кружилась
голова... немного от водки... но больше от того что я
слышал... это было чудесно как откровение... и в любых
других обстоятельствах показалось бы невероятным...
что-то между видением и сумасшествием... состоящее
из возбуждения и кошмара... и в то же время простое и
логичное... услышанное мною той ночью подействовало
на меня словно истина в которой я не смею усомниться...
иначе меня не станет... не бог говорил из горящего куста
а древний демон из московской тьмы языческой... которая
здесь скисла перебродила и створожилась несколько веков
назад... и останется такой до самого конца света...

...мой невидимый посетитель излагал неспешно и внятно...
слово за словом... я всё запоминал... как будто его слова
раскалённым гвоздём вдавливались мне в мозг... и сами
находили в нём место где останутся навсегда... я должен
их помнить... и до сих пор помню... я сейчас мог бы
повторить их одно за другим... но они и без того непрерывно

повторяются у меня в голове... ни секунды не подумал
я о том что со мной кто-то шутит... или расставляет
мне ловушку как сам я не раз расставлял другим...
в местах где властвует смерть нет места ни юмору ни
шуткам... разве что про мертвеца... стать которым мне
ни в коем разе не хотелось... когда мой гость перестал
говорить я ничего не сказал... мне нечего было сказать...
я мог лишь кивать во тьме головой в знак согласия...
ведь тот кого я не вижу наверняка видит меня...

...и вот мой посетитель закончил... я сказал *ровно столько
сколько нужно... больше не будет ни слова... спрашивай
если есть что спросить...* я был настолько удивлён что
проговорил каким-то не своим голосом... и словно на чужом
языке который только начал учить... спросил *чего ты хочешь
взамен... и получил ответ... однажды ты это узнаешь...
а может быть и не однажды а несколько раз в течение
твоей долгой жизни... окончательный счёт ты получишь
в день своих похорон... а пока отложим на неопределённый
срок... до свиданья...* я сразу понял что он ушёл... и от счастья
даже с ним не попрощался... старый паркет не скрипнул под
его ногами... и дверь за ним не закрылась... словно он вошёл
а потом вышел сквозь закрытое окно... или даже просто
воплотился... сперва передо мной а потом где-то в другом
месте... я сидел на кровати и повторял про себя его слова...
они сами приходили и уходили... и возвращались снова...

...когда на следующий день я вышел из люкса я был моложе
чем прежде... чувства мои стали свежее а глаза зорче...
я стал кем-то единственным и неповторимым...
отличающимся от всех кто был до меня... именно в этот миг
я уже был тем кто я есть и тем кем буду... я вошёл в отель
животным ищущим свой облик и ожидающим что кто-то
выполнит эту задачу вместо него... а вышел человеком с
тысячей лиц который может быть кем угодно... или никем...

превратиться в других и всосать их в себя... исчезать когда его изгоняют... и появляться там где никто его не ожидает... смотреть противнику в глаза и при этом быть у него за спиной... улыбаться от боли... и радоваться вещам о которых никто и понятия не имеет...

...в меня переливалась сила всех тех кто исчез на лубянках... но без фанатизма и сумасшествия которыми они были заражены... и без их склонности к самоуничтожению... в моих венах текла самая лучшая часть их крови... словно изливалась прямо из моего сердца... она делала меня крепче и сильнее... я бодрствовал когда все спали... был хладнокровным и спокойным когда все теряли голову и не знали что и где случится...

...помимо всего прочего их сила делала меня моложе... я всех их носил в себе... и мог быть любим из них... я не мог их ни арестовать ни убить... но достаточно было шепнуть нужное слово в нужное ухо... и виссарионич выполнял работу за меня с проворством ангела смерти... поскольку его подозрения исключений не имели... кроме невидимых... и тех о чьём существовании он попросту не знал...

...обо мне как о генеральном секретаре запрещённой компартии полиция в то время понятия не имела... я прятал лицо от масс... менял имена как костюмы... мой образ никто не мог ни запомнить ни связать с предыдущим... в книгах обо мне записано и прославлено несколько моих постоянно меняющихся ипостасей... сам же я никогда их не подтвердил но и не оспорил... я был путешественником по европе канадским инженером... торговым агентом продающим швейные машинки... немецким рантье в поиске курортов с лечебными водами... сотрудником турецкого посольства... беглым русским дворянином ставшим

фортепьянным мастером... рабочим-металлистом уволенным
за раздачу листовок... я был всем чем я не был и чем стал
сейчас... был я и много чем другим... не упомяну уже всего...
пусть это помнят те для кого это является профессией...
на издании моих биографий они неплохо зарабатывают...

...что полиция могла поделаться с таким числом переменчивых
персонажей... которые приходили и уходили... появлялись
и исчезали... только регистрировать их и искать по берлогам
на периферии... но их там не было... те о ком полицейским
удалось узнать уже исчезли... исчезли раньше чем их
потеряли... оставляя ложные следы в архивах которым
было далеко до совершенства архивов моего времени...
и поэтому те антинародные режимы должны были пасть...
ильич утверждал что учёт и контроль важнее всего...
ильич знал что делает... он лишь одного не смог предвидеть...
что его забальзамируют...

...власти произвели ряд арестов и судебных процессов
за которыми я весело наблюдал со стороны... находясь в
безопасности... переодет в кого-то другого кого не искали...
кого начнут искать на несколько дней или месяцев позже...
когда его уже не будет... а он уже давно кто-то другой
или даже третий... господин в светлом костюме с пуделем
на поводке выходит из вагона первого класса и спокойно
вышагивает мимо полицейского патруля... электрик в очках
устраивается на работу в другой город... лицо на фотографии
которого нет в действительности... молчаливый рабочий
зимует в холодной хижине ремонтируя селянам мельницу...
и так по порядку... кто заподозрит того кого все знают...

...своим искусством скрываться я защищал свою жизнь...
своё право дышать свободно... и чтобы никто мою кровь
не пил... потому что кровопийц всегда было столько же
сколько и крови... но и от меня никто не мог скрыться

кроме как с моего одобрения... ни представиться ложным именем ни переодеться в кого-то другого... я сразу же видел кто что обо мне думает и что мне готовит... я видел насквозь любой грим и любую маску... раньше чем наши тайные службы срывали её с того предателя саботажника или шпиона... *вы иногда как слепые котятта товарищи... вы должны выявить врага раньше чем он себя проявит... и уничтожить раньше чем он поймёт что происходит... а главное раньше чем он поймёт что он враг...*

...сомнительных личностей хватало и среди нас... амбициозных безумцев... претендентов на будущее... дешёвых идеалистов выющихся вокруг тайного движения словно мухи над кусочком сахара... и с такими же шансами на успех... мы не могли оградить себя от них... да и не хотели... мы просто сами прореживали свои ряды... одни исчезли в борьбе... других поглотила тьма... о третьих узнала полиция и похватила их по тайным убежищам... а некоторых мы послали в москву... якобы для того чтобы наградить... разве паломник задумывается вернётся ли он живым из мекки... напротив... он даже не прочь там умереть не выделяясь из общей массы... и иногда добрый бог скрытый за пророчествами святых старается пойти ему навстречу...

...московский бог тоже шёл навстречу прихотям своих верующих... желающих ощутить непосредственное прикосновение смерти... специально просить его кого-нибудь уничтожить было лишним... я был первым кто в нарушение его правил заявил не хочу... как только я прочно занял своё место он начал готовить мне петлю на виселице...

я не хотел попадать в ловушку информбюро²¹... и сопротивлялся твёрдо потому что у меня не было иного выбора... и тогда я сразу же стал важен тем другим... не меньше чем южная корея... даже больше чем тайвань... *мы должны любой ценой остановить пенетрацию²² коммунизма*

в европу... и они осуществили этот императив
встав на защиту одного отдельно взятого коммуниста...
тотальная непоследовательность это правило
последовательной политики...

...в погребальной процессии ничего не изменилось...

...всё как и чуть раньше... на шаг впереди всех пошатываясь
от горя идёт моя вдова... не актриса и не двойник...
настоящая жена... неподдельная несчастливица... та что
взаправду осталась без мужа... притом не зная что он ещё
жив... золушка которую её принц предал ещё в земной
жизни... красная... как я её иногда называл... смеясь тому
жару с которым она защищала нашу идеологию от моего
вечернего ехидства перед стаканом чиваса... с трудом
я её убедил что первый стакан мне обязательно нужно
выпивать до темноты... прежде чем явятся страшные
ночные видения...

...когда мы силою русских танков и наших парней
завоевали столицу и установили народную власть...
мы и дальше вели себя как партизаны и заговорщики...
это у меня в крови... как и у партии мною созданной...
тайным должно быть даже явное... первым делом мы
выбрали место моего пребывания... оно должно было быть
удобнее всех что были у меня прежде... чтобы в нём можно
было надёжно укрыться... или бежать из него среди ночи...
ведь никогда не знаешь что история готовит тем кто её
творит... впрочем слово история придумано для введения
масс в заблуждение... она всегда славная и незабвенная...
но лишь до тех пор пока в неё верят... я всегда знал что
такого явления как история не существует... просто случается
то что случается... а управляет этим один-единственный
закон... возьми от жизни всё что она тебе предлагает...

...это был королевский дворец в котором всё сохранилось как до войны... кроме короля... его королевы... дворян и остального излишнего люда... они разбежались как мыши не дожидаясь чтобы я их прогнал... своим сапогом и чужими пушками... *вон отсюда банда буржуйская... пришли рабочие и крестьяне... требовать своё место под солнцем... шестая личская и седьмая краинская... не забыть о первой пролетарской*²³... берут всё что видят... а потом отбирают и остальное... убирают свидетелей... приводят с гор своих родственников... там где есть я там нет ни династий ни права наследования... лишь по моей воле всё появляется... и пропадает... всё начинается когда я скажу... и заканчивается когда я решу... нет ничего ни до ни после... любой претендент исчезает как только кто-то узнаёт кем он себя возомнил... тех кто допускал такую ошибку нет среди нас чтобы подтвердить... а остальные не захотели повторить их путь...

...как только исчезла та чья имя упоминать не принято... и обжигающий взгляд её глаз проникавший сквозь меня как лучи рентгена... я начал осторожно озираться вокруг себя... нет ли в поле зрения женщины которая могла бы ночью составить мне компанию... чтобы находилась возле меня всегда когда нужно... и чтобы её не удивляли мои конспиративные привычки... предложений было столько что мне самому пришлось задуматься... кто мне какую подсовывает и зачем... в отличие от англичан у нас за каждой женщиной стоит некий мужчина... или вампир мужского пола... в конце концов я всех конспираторов обыграл... как и до и после того... я сделал ход против правил... какого никто не ожидал... я выбрал ту которую мне никто не предлагал... настоящую девушку из народа... и я в ней не ошибся... она отыграла все роли которые я ей назначил... верно следовала за моими интенциями²⁴ и преобразованиями... она и сегодня это делает... в последний раз и неосознанно...

...кто кроме меня в той плохо накрашенной женщине... толстой словно годами с кровати не вставала... смог бы разглядеть породистую девушку из простонародья... арабскую кобылу которая будет скакать со мной по мировым лугам... сельскую пастушку оставшуюся без своего стада из-за революции... пламенную партизанку в тесной униформе... искусную сотрудницу тайной службы которая метко стреляет... нападаая и обороняясь как форменная дьяволица... красную мою последовательницу... которую я ночью дарил себе... а днём демонстрировал любопытному свету... дряхлым королям... людоедам объявившим себя императорами... каким-то президентам... серым даже по сравнению с чиновниками моего отдела снабжения... они могли ненадолго вызвать интерес только если их кто-нибудь убьёт...

...преданность мне это часть её природы... широкой как равнина и прожорливой как плодородная земля... и ещё то что я по-стариковски назвал бы верностью... это не просто верность женщины мужчине или верность члена партии генсеку... это чувство больше глубже и продолжительнее... это что-то простое... вроде элементов на которых свет стоит... это верность древнего пейзажа в котором ты можешь блаженно пребывать и когда ты бодр и когда у тебя всё болит... лишь сомкнёшь веки и тот пейзаж вокруг тебя... смиренный и беспечально вечный... листья шумят на ветру... ручьи журчат... трава пахнет как в день сотворения мира... вздрагивает пыль на крыльях бабочки... пар стоит над пашней напитавшейся дождём... всё набухает и пышно разрастается... вот какова она... единственная на чьём плече я решался заснуть... пока революция продолжается а злодеи точат кинжалы...

...проект бесклассового общества и счастья для всех... как и все религиозные проекты владеющие нынешним миром...

а их в мире больше чем нужно... а будет ещё больше...
он всегда где-то в грядущем... всегда недостижим...
и осуществим только после смерти тех кто за него
погибает... на каком-то другом свете... которого точно нет...
потому что если бы он был... нас бы тогда точно не было...
или мы бы не были такими какие мы есть... но для
достижения этого чуда прежде всего требовалось добиться
власти на земле... в каком угодно государстве... где угодно
и как угодно... начать ещё один эксперимент... соорудить
сцену на которой единственной разрешённой пьесой
будет пьеса о будущем счастье... и давать представление
столь долго сколько нужно тому кто управляет всем
этим сверху... короче говоря мне...

...в двадцатом веке адольф выполнил работу за всех нас...
в особенности за меня и за моих людей... хоть
и ненамеренно... мы были врагами потому что никто
из властителей не может и не смеет иметь друзей... такая
недостойная слабость может вызвать в нас кое-что похуже
и намного опаснее... например милость к человечеству...
а за него сделали работу чемберлены... лицемерные
гражданские политики которые по воскресеньям ходили
в церковь и не убивали своих ближних публично... они
владели парламентами которые владели державами которые
владели народами без держав... народами совершенно
не осознающими себя таковыми... тогдашняя европа была
полна таких политиков... впрочем как и сегодняшняя... но
в сегодняшней нет ни бесноватого капрала ни грузинского
разбойника... чтобы добавить горчинки в пресную
повседневность...

...помешанный венский художник пытался осуществить
лишь одно намерение... власть одного человека над народом
который для него завоеует мир... и положит к его ногам...
и чуть было в том не преуспел... чемберлены ему дали

для этого больше возможностей чем его немцы...
и конечно его отец дальновидно сменивший фамилию...
ну кто может представить обезумевшую толпу кричащую
хайль шикльгрубер... хорошее имя есть начало любой
продолжительной власти... а совершенное имя
есть основа власти пожизненной... если не до то после...
взявший власть должен в дальнейшем придумать себе
имя которое подтвердит его право на всё и над всем...
уже доказанное самим фактом завоевания власти...
а с новым именем оно станет неоспоримым...

...что бы в этом понимали некоторые из моих гостей...
или даже все они вместе взятые... они легально поднялись
на трон с помощью выборов... легально будут сидеть
на нём после каких-нибудь других выборов... я не смог бы
ничего этого им объяснить... они бы решили что я их снова
обманываю... или что теперь они могут обмануть меня
поскольку меня больше нет... я сам позвал их сюда через
протокол и дипломатию и выставил всех в одном месте как
набитые чучела в витрине... как коллекцию дряблых щёк...
злобно поджатых губ... пустых глаз и разносортных лбов...
полюбуйся белый свет кем ты гордишься... почему ты
ещё существуешь если тобой правят те кому и жить бы не
стоило... найдётся ли среди них хоть один кто не заслужил
по меньшей мере одной смертной казни... уголовники
по сравнению с ними просто дети из церковного хора...
зато по сравнению со мной все они наивны и примитивны...

...никто из них не отказался от приглашения... не сослался
на болезни или дела... или на другие государственные
причины... все поспешили прибыть... и демократы
и либералы... и те кто ни то ни другое... и вегетарианцы
и последние каннибалы... и те кто меня ненавидел и те кто
меня якобы любил... и те кто не знает ни что делает ни что
чувствует... прочесав все пять континентов я привёл их

в свою столицу... их выбрали их народы... их партии... их движения... одним для этого пришлось поубивать всю свою оппозицию... другим всего лишь одного соперника... третьим какое-нибудь этническое меньшинство... вместе они объявили войн больше чем у них волос на голове... и заключили ещё больше перемирий... у виссарионыча якобы было две души... у гостей на этой трибуне нет ни одной... по крайней мере в наличии души их обвинить нельзя... только в этом и нельзя...

...на почётной трибуне своих похорон я вижу вершину вершин мощи и славы нашего века... а мог бы без малейшего напряжения имагинации²⁵ сказать что вижу дно дна... всё человечество принимало участие в концентрации этой планетарной мощи... которую я разместил на деревянной трибуне словно зрителей на футбольном матче в заброшенном городишке... если бы мои гости захотели они бы и сегодня могли уничтожить мир в ходе любезного разговора за лёгким ужином... никто бы не смог им помешать... потому что здесь все перемешались... террористы и борцы с терроризмом... борцы против несправедливости и её создатели... если бы нашёлся некий фанатик он мог бы сейчас разом всех их перебить... как когда-то граф дракула перебил своих гостей на пиру... и потом каждого поодиночке посадить их на кол... такая возможность больше никогда не повторится... она последняя в истории... потому что сегодня начинается конец истории... я объявляю это самому себе раз уж не могу объявить другим... скоро они поймут что происходит... когда почувствуют это собственной кожей...

...процессия сонно движется вперёд... хоть меня и нет во главе колонны... трансляция ведётся как положено и без инцидентов... дикторы продолжают повторять похвалы которые даже мне уже надоели... бесчисленное количество раз мне приходилось говорить моим последователям

вы слишком преувеличиваете товарищи... будь я даже богом не смог бы столько... если я когда-нибудь умру... увидим что останется после меня... мне никогда не удавалось завершить эту мысль потому что все начинали вопить в голос не говори этих страшных слов наш единственный настоящий товарищ... никто из нас тебя не переживёт... к чему нам наше пребывание на земле без тебя и без твоего светлого лика... горе нам неприсоединившимся... горе нам не вошедшим в блоки... что ждёт третий мир без твоего зоркого взгляда и без твоей острой мысли... не было среди них ни одного кто не лгал бы от всего сердца... искренне как дитя которое после ничего и не помнит... кроме того что ложь есть самое надёжное средство нашей работы... иногда я подумываю что других средств у нас и вовсе нет...

...почему мои народы и народности так любят военных... почему их обожают дети... потому что военные ничего не делают... они гонят женщин... иногда молодёжь... бряцают оружием участвуя в первомайских парадах... в свободные часы едят и выпивают за моё здоровье... в мирное время не досаждают себе повседневным трудом... а в военное могут убивать кого хотят... за это они получают медали повышения тринадцатую зарплату и внеочередное продвижение по службе... если они не проиграют войну то пожизненно станут славными победителями над объединёнными силами тьмы и безнадёжности... а если проиграют то их жертва станет символом сопротивления противнику который оказался вдесятеро сильнее и подлее... никто не замечает того что большинство военных умирает в кровати или в кафане... и процент таких смертей у них такой же как у парикмахеров... лишь незначительное число храбрых погибает на поле брани... да и то большей частью по ошибке... если стороны в столкновении не договорятся кому когда и в кого стрелять...

...поэтому я любил отдавать приказы своим народам
и народностям как солдат... как пехотинец... танкист...
связист... пограничник... артиллерист... авиатор...
мореплаватель... как общевоинский и как военный над
военными... иногда я выбирал себе роль исходя из текущих
потребностей общественного театра... а иногда просто брал
тот наряд что оказывался ближе в моём гардеробе... при
таком богатстве костюмов и грима... боже которого нет...
только в твоём образе я и не появлялся на людях...
один человек был одновременно во всех родах войск
и над ними... потому что мог менять их как хочет...
лечь спать как адмирал на капитанском мостике...
во сне быть командующим пограничниками... а проснуться
высокоумным стратегом в тёплом генеральном штабе...
я переодевался столько раз что мне это понемногу надоело...
больше этой обязанности у меня нет и не будет...

...без власти нет солдата... как и власти нет без солдата...
это простое уравнение с двумя известными... никто его
не изменил до меня... да и я в конечном итоге не изменил...
зато в мирное время я заботливо обустроивал свою армию...
давал ей всё что нужно... заботился о ней как никто
до меня... я даже изъём её из государства чтобы она
принадлежала только мне... поставил её высоко над
простонародьем... прямо у своих ног... возле моих
лакированных сапог... там она и сидела... пела строевые
песни... хвасталась на парадах... выпивала и ждала когда
я щёлкну пальцами... глаз не сводила с моих мундиров...
стоило мне усмехнуться войско хохотало...
стоило нахмуриться тут же повышало состояние
боевой готовности... а большего мы и не пробовали...
какая-нибудь ночная тревога и большие манёвры
время от времени... ровно столько сколько нужно
чтобы растряссти коллективное похмелье...

...как верховный главнокомандующий я знал чего и сколько можно... когда немного а когда совсем нисколько...
поэтому мы были за мирное сосуществование... всегда лучше заплатить врагу если ты слабее... моё войско было громадной армадой носящей югославское имя... оно и сейчас такое... питается моей идеей о вооружённом народе...
сегодня армия в полном составе плачет по мне и не знает куда ей деться от печали... против иностранного агрессора она бы немногого стоила... к счастью у агрессора войска ничуть не лучше... но зато народный бунт моя непобедимая армада сокрушила бы немилосердно... защищая себя так же как меня... только бы моя армия не попала в руки того злодея которого я ищу... и не вижу его в толпе и не знаю кто он... он так хорошо прячется что я его и представить-то себе не могу... никто его не знает и никто на него не смотрит... его лицо смешалось с другими... и ни одно из них не его...
сейчас он наверняка спрашивает кто же станет наследником тито...

...этот вопрос до недавнего времени казался весьма сложным... практически неразрешимым... кто станет моим наследником если у меня нет наследника... его не может быть по самой природе вещей... на кончике иглы может уместиться только один... никто не сможет меня заменить... я не смогу назвать имя своего преемника... и он не посмеет объявить себя таковым... как никто и не посмел...
ни один общественный институт не сможет предложить кандидатуру и объявить выборы... ещё меньше шансов у группы людей и тем более у отдельной личности...
кто продолжит моё дело если я всегда буду здесь... постоянно на всё той же неделимой должности... кто будет носить сотни титулов и исполнять тысячи задач... как это делал я всю свою жизнь... и так до горизонта... вечность состоит из бесконечного повторения одного и того же... и мельчайший атом и безграничный космос стоят на одном...

...ответ был чудесно прост... я сам и стану своим
преемником... мёртвый но живее всех живых...
я отсутствующий... я вечно живущий покойник...
я здесь... я там... и на обоих местах незаменим...
как в сказке без конца... она вновь и вновь начинается
и всегда развивается всё на тот же лад... все её слушают
как колыбельную и живут параллельно... мне пришлось
перевести сказку на язык реальности... как можно
сформулировать реальность легенды... она не то что есть...
она то чего нет... дело выглядело запутанным а решить
его удалось с несказанной лёгкостью... когда у тебя есть
безраздельная власть и ты умеешь ею пользоваться...
тогда возможно даже то что кажется невозможным...
зато невозможно то что легко доступно любому другому...
например быстренько хлопнуть стаканчик чиваса...
но эту проблему можно было решить только
полной бутылкой...

...я отобрал восемь моих служащих... по системе случайного
выбора... из ограниченного списка кандидатов который
мне составили аналитики и специалисты тайных служб...
по одному от каждого народа и народности... не по бабушкам
и дядюшкам... на другие континенты и остальное
человечество я не оглядывался... и не потому что я не
интернационалист... просто вся моя власть сосредоточена
здесь и навсегда останется здесь... на этом клочке земли
под моей тенью... вот этих восьмерых я и провозгласил
председательствующими в нашем государстве после меня...
верные мне медиа это дело поддержали... по нашей
с ними обоюдной привычке... остальные общественные
и политические объединения сделали то же самое... под
дружный одобрителный хор социалистического союза
трудового народа... даже эхо моего голоса производит
последствия как электромагнитная волна... эта восьмёрка
и будет коллективным наследником и коллективным

президентом... президент будет один во множестве лиц...
многократный я...

...я сейчас поглядываю на них на экране... как они медленно
вышагивают следом за моей семьёй... это старики чьих имён
и лиц никто не может выучить... молодёжь их не знает...
сверстники их не помнят... такие обломки можно легко найти
в любом парке... они там сидят на деревянных скамейках и
ждут когда солнце зайдёт... играют в шахматы и обсуждают
отсутствующих... рассказывают истории которые никто не
слушает... даже они сами... потому что каждый глух как
пробка... они не смеют возвращаться домой раньше ужина...
эти мои наследники словно сделаны из пластмассы...
а у пластмассовых изделий не бывает особенных признаков...
их словно отлили в ограниченном количестве форм...
которые тут же и разбили... ничего лишнего в них нет...
я строго следил чтобы у них не было никаких
особенностей... кроме верности мне и моей легенде...

...ни один из них не смог бы дать отпор сильному
разбойнику если бы тот появился из темноты прихожей...
из какой-нибудь заброшенной канцелярии... где он
долго глотал пыль распаханных по стеллажам досье моих
тайных служб... где специалисты его препарировали чтобы
стал неприметным как вирус... настолько совершенный
что выпал из сферы их бдительности и внимания... даже
со мной такое когда-то случалось... мои наследники его не
заметят до тех пор пока не станет слишком поздно... ведь
они созданы не для того чтобы что-то увидеть... а для того
чтобы всё проглядеть... и чтобы отрицать то что видят...

...вот ещё одно дело которое я должен выполнить лично...
на самом верху нет разделения обязанностей... я должен
открыть того гипотетического типа который уже где-то
шустрит... и помешать ему... он готовится отнять то

что я давно уже взял и до сих пор никому не отдал...
помню что ценой была какая-то сотня тысяч мёртвых...
однажды ради суммы контрибуции я заявил что их миллион
с чем-то... я немного преувеличил но не слишком... могло
быть и намного больше того... если бы мы придирались
к мелочам... и ликвидировали буквально каждого
потенциально подозрительного... тогда выжившим
пришлось бы признать что мы отчасти гуманисты...
дали им возможность переплывать с одного берега реки
на другой... разрешаем им дышать и размножаться...

...неужели этот шалопай находится в моём окружении...
среди стражи или публики... прячется за спинами других...
ни один аппарат его не ловит... он настолько хорошо играет
свою роль что все думают что он вовсе и не играет... он
здесь а все думают что его нет... никто его не узнаёт потому
что он не похож на то чем является... мать его перемать...

...я внимательно разглядываю мелькающие перед камерами
лица... они разноцветными пятнами прыгают у меня перед
глазами... опять у меня рябит в глазах... и то и дело мутится
взгляд... когда нужно я перематываю назад кадры...
хотя пульт меня слушается не сразу... не реагирует на
команды... приходится давить на кнопку по несколько раз...
и голоса дикторов куда-то пропали... ничего не слышно...
мелькают только беззвучные картинки... все лица стали
похожи друг на друга своим сокрушённым выражением
и превратились в маски... а маски в пятна гаснущие
одно за другим... экран поигрывает пучками красок
словно празднует вместо того чтобы скорбеть...
надо бы мне строго предупредить тех кому надо бы
строго предупредить всех прочих... в моей державе
всё двигается сверху и завершается на дне...
поэтому она самая вертикальная на свете... и чем ниже
падает тем вертикальнее становится... антипод антиподов

и отрицание отрицаний... моё государство есть моя
аффирмация²⁶... зачем бы ещё оно было нужно...

...в гостях у одного моего азиатского коллеги я увидел то
чего у меня ещё не было... народы и народности не просто
должны быть счастливы и довольны... и подтверждать это
словом и делом... они должны и кое-что сверх того...
быть счастливыми даже когда несчастны... должны быть
бесконечно счастливы всегда и навсегда... и должны
это показывать публично... плясать и петь всюду где я
нахожусь и куда перемещаюсь... на улицах площадях
дорогах стадионах и аэродромах... даже в клиниках если
это есть в программе... перед моими статуями и портретами
если я не присутствую лично... махать руками флажками
и лозунгами... и веселиться как на карнавале...

...от того азиатского визита до моей болезни так оно и было...
я ввёл азиатскую радость в балканскую печаль...
культурные общества выдавали для меня непрерывные
программы... певцы пели... актёры играли... поэты
декламировали приплясывая... народные депутаты
подпрыгивали на трибунах... даже мои соратники трясли
гузками... пощёлкивали пальцами и побрякивали старыми
костями... торжество и ликование не прекращалось даже
когда я сплю... мне пелись серенады независимо от моего
присутствия или отсутствия... иностранные гости нам
завидовали но подражать нам ни у кого не получилось...
было здорово бросить взгляд на эту живость тела и духа
между лёгким дневным аперитивом и вечерним чивасом...

...жаль я не мог эту отрепетированную программу утвердить
для показа в честь моих похорон... и в ходе похорон...
и в дни и ночи после них... чтобы каждый день начинался
песней и пляской... но это никак не сочеталось бы
с церемонией моего обожествления... мои враги

присоединились бы к общему восторгу и заплясали бы от радости... *от вардара и до триглава... золотым солнцем осиянная... гордо посреди балкан*²⁷... мои народы и народности могли бы это неправильно понять...
и я заранее радовался своей смерти...

из-за неё они все перепьются и в пьяном безумии поубивают друг друга... хорваты в прошлую войну уже обещали сербам всех их поубивать... а сербы в ответ пообещали то же самое хорватам и мусульманам... и всем другим кто попадётся им в руки... мои народы и народности спасает лишь одно обстоятельство... никому из них не хватит силы и искусства чтобы в одиночку перебить всех остальных...

...и вдруг моя мысль оторвалась от того что происходит на экране... от процессии шагающей так торжественно словно скользит сквозь пустоту... и резко свернула к холму с вершины которого я правил несколько десятилетий... без бунтов... революций... манифестаций и остальных выражений народной воли... которая всегда есть сконцентрированная воля немногих или даже одного... мир воцарился с моим именем хоть и родился из войны...
моя мысль свернула к холму словно что-то искала... словно хотела куда-то вернуться... но не во дворец в котором я больше жить не буду... что меня связывает со зданием в котором меня больше нет... разве что верные псы составлявшие мне компанию... ничего кроме предметов которым место в музее революции... и в моём персональном музее...

...моя мысль оторвавшись от церемонии похорон вернулась к могиле в моём парке... той самой что я посещал каждое утро во время прогулки... перед завтраком и утренней гаваной... та могила для всех останется загадкой... и отчасти для меня самого хотя я в этом никогда не признаюсь... да теперь больше и некому... разве что встречу здесь

дьявола или того кто его создал... хотя я очень сомневаюсь
в их существовании... будь они и впрямь всемогущи
никто бы никогда не посягал на их власть... а в их дела
то и дело вмешиваются всякие амбициозные дураки...

...та что спит в той могиле была моей любовью... вероятно
именно так называется то состояние исчезающего сознания...
страсти боли и смущения... я внушал его другим...
мне же другие никогда... тот кто властвует не смеет никогда
и нигде быть подвластным публично... не смеет разделять
с остальными пороки и слабости... такие вещи должны
оставаться в четырёх стенах... тайные службы существуют
для того чтобы меня при необходимости прятать...
и выявлять тех кто имеет что-то против... армия нужна
чтобы меня защищать от узурпаторов и покушающихся...
белый дворец для того чтобы всем и каждому напоминать
обо мне... а могила в парке нужна чтобы я иногда вспоминал
о ней... ведь посетить её я больше не смею да и не могу...
если бы я вспомнил об этом раньше то нашёл бы какое-то
решение... или приказал бы его найти... чем ещё заниматься
нашей почтенной интеллигенции как не задумывать обманы...
чего стоят одни наши профессора доктора главврачи...
лекари будущих мертвецов и сочинители бюллетеней
о состоянии их здоровья...

...мысль о ней меня удивляет... удивляет что не сразу
вспоминаю её лицо и глаза... а ведь я был ею околдован
до безумия... в моей памяти колышется только трепещущая
тьень... я не могу вспомнить тело столько раз бывавшее
подо мной и надо мной... ни одной другой я не позволил
так высоко подняться... что это со мной к чёрту
происходит... старею что ли... или теряю память... чего
со мной до сего дня ещё не случилось... а может быть я и
вправду умер... во что я не поверю даже когда умру...

...я напряг память ещё раз... и снова... и понял что ничего о той женщине не помню... где я её встретил... какой она на самом деле была... чем настолько привлекла меня к себе что я без малого себя позабыл... ничего в моих воспоминаниях нет... кроме одного подозрения которое резко становится осознанием... я управлял другими потому что всегда знал о чём они думают и что делают... какие низменные мотивы их ведут... какой заговор они замышляют... чем я смогу их подкупить если не принесут успеха все привычные средства устрашения и принуждения... как потом убрать их от себя и сделать так чтобы они исчезли... так было всюду и всегда... и ни единого исключения... кроме её случая...

...ею я не смог не то что овладеть... даже заставить меня слушать... я проникал в неё только физически... воля же её оставалась вне моей досягаемости... наполовину в шутку наполовину всерьёз я называл её колдуньей... и напоминал ей что такие как она горели на кострах... она единственная называла меня не так как остальные... ничего не изменилось даже тогда когда она разболелась без причины... я подумывал что кто-то из моего окружения мог её отравить и затем намеренно неправильно лечить... ведь меня и мою власть они хотели исключительно для себя... а может быть докториссимусы подумали что таково моё тайное желание и поспешили его исполнить... чем больше она слабела тем всё дальше отдалялась от меня... но вела себя так словно была не одна... словно постоянно с кем-то тихо перешёптывалась...

...вспоминаю что при расставании она мне сказала *встретимся там где я родилась*... именно так... *встретимся там в моём краю... мой старый носферату*²⁸... и добавила *существует магия которая старше твоей*... тот её голос я и сейчас отчётливо слышу... даже когда не слышу ничего другого... и каждое утро у могилы я у неё спрашивал

что она хотела этим сказать... я спрашивал и у себя но не нашёл ответа... всю эту историю мне кто-то дьявольски подбросил... настолько искусно что я заподозрил было мёртвого виссарионыча... грузинского бандита... у этого обманщика соперников не было... остальные нам и до колен не доставали... меня успокаивает мысль что его двойников больше нигде не видно... а это значит что он уже давно и окончательно мёртв... как такой ум мог себе позволить такую неосторожность... вероятно в нём просто насмерть поссорились те две его души... и ликвидировали друг друга...

...мой гроб и голова процессии проходят через величайшие ворота страха... между двумя корпусами здания тайной полиции... эти два строения знакомы даже моим пионерам... пусть с детства знают где может решаться их судьба... любого нашего гражданина там могут пытаться в случае необходимости... сообразно тому чего потребуют интересы безопасности... а они всегда чего-то требуют... всегда находятся поводы и причины... то внешние то внутренние... или у меня не оказывается более важных дел... для асов которые здесь работают не существует привилегированных и неприкосновенных... мои ежовы и ягоды²⁹ исполняют здесь свою драгоценную работу до горького конца... но и они иногда попадают в руки себе подобным... незачем говорить что каждое новое их поколение лучше прежнего... преданнее мне и послушнее...

...одно огромное здание с левой стороны улицы... другое с правой... между ними даже самые лихие водители снижают скорость с должной осторожностью... а пешеходы торопятся побыстрее пройти мимо... но тоже осторожно чтобы не привлечь к себе внимания... каждый пялится себе под ноги и поджимает губы словно свистит... *смело мы пошли из тьмы и ужаса... сквозь кровавую бурю и дым битв... братство единство пусть победу празднуют*³⁰...

и ни один сын ни одной матери до сего дня
ничего против этого не сказал...

...перед ними мост который я соорудил чтобы было удобнее
пройти к моему белому дворцу... без лишних поворотов
и блужданий... за мостом нужно повернуть налево...
и сразу окажешься перед зданием которое уже называют
последним домом величайшего сына наших народов
и народностей... солнца которое погасло и поэтому никогда
не зайдёт... луны... звезды... планеты... и так далее...
перед моим кенотафом³¹ который все считают могилой
и думают что я в ней нахожусь... как будто у меня
нет дел поважнее...

...я лично придумал имя тому монументу... который сегодня
станет не менее славным чем мавзолей на красной площади...
в москве моей молодости... где немые миллионы кружат
вокруг забальзамированного карлика с его пёстрым
галстуком... как погасшие метеориты вокруг мёртвой
планеты... в эти дни мой монумент станет известен всему
миру... пусть в очередной раз удивляются... но он будет
называться домом цветов... *цветочный дом господа и
товарищи... может ли быть что-нибудь красивее
и точнее этого... дом цветов...*

...он станет местом паломничества для людей со всего
света... он будет больше знаменит чем мекка и медина...
об иерусалиме я и говорить не хочу как и о святой горе...
там просто нечего показывать кроме костей... каких-то
кусочков старой веры и миллиарда обманутых надежд...
а прямо напротив моего вечного дома останется почётная
трибуна... на которой сегодня самое большое собрание
государственных деятелей политиков генералов и диктаторов
за всю историю мира до этого дня... скупщина³² мощи силы
обмана и зла... она будет увековечена на фотоснимках...

и в эклогах³³ журналистов... и уже завтра всё пойдёт
другим путём... ничто не будет таким как вчера...

...мне придётся хорошо приглядеться...
вдруг на трибуне среди них есть кто-то лишний...
меня ведь прежние власти тоже много раз не заметили
среди других... пока для них не стало поздно... я неслышно
приполз на пузе... я пришёл и уходить не собираюсь...
нас не нужно уговаривать *останьтесь здесь... не нужно
нам солнце чужого неба где брата нет*³⁴... но кто же этот
лоботряс что решился пойти против меня... и где он...
я бы напился его крови... и эта жидкость укрепила бы меня
не хуже чиваса... *и горьки здесь куски хлеба*... зато сладки
куски власти...

Ничто Нигде Никто

...что скрывается в людях которые ничего не скрывают...
да кто ж его знает... все лица напряжены в старании
стать одинаковыми... они и есть одинаковые
если отсюда посмотреть...
почему и зачем люди настолько похожи... особенно когда
стоят один возле другого... когда они вместе и когда они
масса... для того чтобы среди них мог скрыться тот
кто похож на каждого...
и он единственный знает что он иной...
этот подмастерье дьявола завтра любой ценой захочет от них
отличаться... чтобы уничтожив меня сотворить себя...
чтобы вернуть то что я уничтожил...
чтобы уничтожить то что я сотворил...
чтобы мои города назвать своим именем...
чтобы мои портреты заменить своими... а все мои статуи
превратить в свои и чужие...
что... что это... происходит...
к дьяволу... к чёрту...

коллега николае... чаушеску³⁵... должен бы...
знать как его зовут...
и кто он... и коллега елена тоже...
тот подозрительный тип... что стоит возле него...
длинные волосы... вислый нос... лицо бледное
как у мертвеца... губы красные как кровь... глаза вроде
прожекторов... чёрный плащ вместо предписанного костюма...
словно вышел из фильма ужасов...
он не прячется... выпрямился... расправил грудь...
держится так словно он здесь главный... словно мы
не в центре моей столицы... а посреди карпатских ущелий
и лесов... или на чердаке того московского отеля...
смотрит вызывающе... прямо мне в глаза...
и я смотрю ему прямо в глаза... красные как кровь...
мы смотрим друг на друга... смотрим... и смотрим...
кто первым отведёт взгляд...
мы знакомимся... мы узнаём друг друга...
это ты... это я...

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕВОДЧИКА

1. **«Чайка»** (серб. «Галеб», хорв. «Galeb») – учебный корабль югославских ВМС (с 1948 г.). В 1953 г. был специально отремонтирован для официального визита Иосипа Броза Тито в Великобританию, и с тех пор фактически стал его личным кораблём.

2. **«Голубой поезд»** (серб. «Плави воз», хорв. «Plavi voz») – личный поезд Иосипа Броза Тито. Включал в себя два бронированных локомотива, личный вагон-салон маршала, три вагона для соратников и обслуживающего персонала, ресторан-кинозал, служебный вагон и вагон для перевозки автомобилей главы государства. Отделанный внутри ценными породами дерева, снаружи состав был выкрашен в голубой цвет – по одной из версий, под цвет маршальского мундира самого Тито и мундиров президентской гвардии.

3. **«Вновь товарищ Тито едет странствовать по свету: / Всюду все спешат увидеть чудовище это».** – одна из насмешливо-сатирических песенок, сочиняемых народом про вождя. В отсутствие на Балканах такого вида народного творчества как частушка, обычно такие песенки сочинялись на мотив и в размере известной песни югославских коммунистов «Товарищ Тито, мы тебе клянёмся!».

4. **«И после Тито будет Тито!»** – лозунг, официально провозглашённый руководством СФРЮ после смерти Иосипа Броза Тито.

5. Омладинцы, или скойевцы – югославские комсомольцы, члены Союза коммунистической молодёжи Югославии (серб. СКОЈ – Савез комунистичке омладине Југославије).

6. Сиротановичи – в нарицательной форме здесь имеется в виду **Алия Сиротанович** (1914-1990), югославский шахтёр, ударник производства, Герой социалистического труда Федеративной Народной Республики Югославии. 24 июля 1949 г. он побил мировой рекорд добычи угля – со своей бригадой за восемь часов перевыполнил норму на 215%, выдав на-гора 253 вагонетки при норме 72. Добыча составила 152 тонны угля, то есть на 50 тонн превысила мировой рекорд 1935 г. советского шахтёра Алексея Стаханова. Так Алия Сиротанович стал живой легендой и идеологическим символом трудовой Югославии, положив начало массовому движению соцсоревнования.

7. «Братство-единство» – главная автомобильная дорога Югославии протяжённостью около 1100 км. Протянувшись через всю страну от австрийской до греческой границы, шоссе проходило через три столицы югославских республик – Любляну, Загреб и Белград. Реализация этого грандиозного для послевоенной Югославии проекта (дорогу начали строить в 1948 г. и завершили в 1963 г.) была объявлена ударной молодёжной коммунистической стройкой: помимо квалифицированных специалистов и военнослужащих Югославской народной армии, в строительстве автотрассы приняли участие около полумиллиона омладинцев-skojевцев. В современном музее Югославии строительству шоссе «Братство-единство» посвящён отдельный стенд экспозиции.

8. Козарацкое коло – наиболее распространённая из партизанских плясок, прочно вошедших в послевоенный югославский народный быт. Возникла во время Второй мировой войны на основе старинных боснийских и черногорских танцев в комбинации с партизанскими песнями. Известны также «Титово

коло», «Черногорское партизанское коло» и др. Вообще словом «коло» на Балканах называется круговая цепь танцоров с неограниченным числом участников.

9. Интерлюдия (от лат. *inter* – между, и *ludus* – игра) – вставка, проигрыш, небольшой промежуточный эпизод между двумя более важными частями музыкального или драматического произведения. В средние века так называли светские вставки в религиозные драмы с ветхозаветным сюжетом, позже термин стал использоваться в основном в музыке (в литературе и драматургии это стали называть интермедией). Здесь у автора Тито часто использует в своей речи всевозможные научные и культурные термины, иногда даже чересчур – очевидно, подражая в этом В.И. Ленину.

10. Экзистенция (лат. *existentia* – существование) – философская категория, обозначающая бытие конкретного человека здесь и сейчас; нечто, что делает каждого человека уникальным и неповторимым, отличным от других.

11. Гибернирует – здесь: сохраняет в заморозке. Гибернацией называется глубокий сон с многократным замедлением обмена веществ, понижением температуры тела, медленным дыханием и сниженной скоростью метаболизма. Гибернация сохраняет энергию организма во время экстремальных условий окружающей среды (зима, засуха) и может продолжаться несколько дней, недель или месяцев.

12. Дединье – элитный жилой район Белграда, застроенный в основном частными виллами состоятельных граждан и зданиями посольств иностранных государств. Также там расположен королевский дворцовый комплекс.

13. «Свой остров» – имеется в виду **Вели-Бриюн** (хорв. *Veli Brijun*), крупнейший остров архипелага Бриони (хорв.

Brijuni), находящегося неподалёку от побережья Истрии. После Второй мировой войны Вели-Бриун был превращён в летнюю резиденцию президента Югославии, где Тито принимал высокопоставленных зарубежных гостей с июня 1947 г. по август 1979 г.

«**Личный островок**» – Ванга (хорв. Vanga) или Красница (хорв. Krasnica), третий по величине остров архипелага Бриони, в двух километрах западнее Вели-Бриуна. Двойное название этого островка автор обыгрывает вопросом Тито – «Как же он, к дьяволу, зовётся?». На Краснице находилась ещё одна резиденция маршала, поскромнее и поменьше официальной, но попасть туда могли только особо приближённые люди и самые желанные гости. На острове растёт виноград, мандарины, лимоны и другие фрукты.

14. «...для каждого тринадцатого ребёнка» – Тито, по мнению автора, был тринадцатым ребёнком в семье. В романе это обстоятельство упоминается неоднократно. Биографы Тито в этом вопросе расходятся: одни утверждают, что он родился седьмым, другие – что десятым. Но версия о тринадцатом ребёнке в биографиях Тито не встречается. Вряд ли это искреннее заблуждение автора, скорее – намеренное преувеличение.

15. Никтодар Нигдениктович (серб. Никодар Нигдениковић) – вымышленные имя и фамилия, означающие что-то вроде «подаренный никем никто из ниоткуда».

16. Милан Грол (1876-1952) – лидер югославской Демократической партии, заместитель Тито во временном правительстве Демократической Федеративной Югославии (ДФЮ), сформированном 7 марта 1945 г. на основе рекомендаций Ялтинской конференции. Правительство ДФЮ было признано всеми государствами – участниками антигитлеровской коалиции. Грол вошёл в состав временного правительства ДФЮ как представитель королевского правительства в эмиграции. В

преддверии выборов в Учредительную скупщину, назначенных на 11 ноября 1945 г., пытался вести агитацию против коммунистов, однако в том не преуспел и 18 августа 1945 г. подал в отставку, обвинив Тито в «нарушении соглашения о временном правительстве, а также принципов демократии и свободы слова».

17. Антиципировать – предугадывать. Антиципацией в философии и психологии называют ожидание наступления события, его предвосхищение – то есть представление о событии, возникающее ещё до того, как оно произойдёт.

18. Крцуны – в нарицательной форме имеется в виду генерал **Слободан Пенезич «Крцун»** (1918-1964) – в 1944-1946 гг. руководитель сербского подразделения ОЗНА («Отдела защиты народа», аналога советского НКВД), в 1946-1953 гг. – министр внутренних дел Социалистической Республики Сербии (в составе СФРЮ), югославский партийный и государственный деятель, Народный герой Югославии (1952).

19. Энвер Халиль Ходжа (1908-1985) – руководитель социалистической Албании с 1944 г. по 1985 г.

20. Экстерминация (лат. extermination) – истребление, искоренение, изничтожение.

21. Информбюро (Коминформбюро, Коминформ) – имеется в виду **Информационное бюро коммунистических и рабочих партий**, международная коммунистическая организация (1947-1956), преемница Коминтерна. Первоначально включало в себя компартии СССР, Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии, Югославии, Франции и Италии. Затем к бюро присоединилась Албанская партия труда. В 1948 г. из-за разрыва отношений между Тито и Сталиным югославскую компартию из Информбюро исключили, а штаб-квартира организации,

первоначально находившаяся в Белграде, была перенесена в Бухарест. В сталинской антиюгославской кампании 1948 года Информбюро было главным инструментом советской политики, но после смерти Сталина в 1953 г. организация эту роль утратила и потеряла своё значение. В апреле 1956 г. решением ЦК КПСС и входивших в Информбюро партий его деятельность была прекращена, а кадры Коминтерна и Коминформа переведены в международный отдел ЦК КПСС.

22. Пенетрация (от лат. penetratio – проникать) – здесь: проникновение, распространение.

23. «...Шестая Личская и Седьмая Краинская... не забыть о Первой Пролетарской...» – имеются в виду прославленные партизанские соединения Народно-освободительной армии Югославии: 6-я Личская Пролетарская дивизия (сформирована 22 ноября 1942 г.), 7-я Краинская народно-освободительная ударная бригада (сформирована 27 декабря 1942 г.) и 1-я Пролетарская народно-освободительная ударная бригада (сформирована 21 декабря 1941 г., первая регулярная часть НОАЮ).

24. Интенция (лат. intentio – стремление, намерение) – направленность сознания, мышления на какой-либо предмет; в основе такой направленности лежит желание, замысел.

25. Имажинация (от франц. image – образ) – воображение, фантазия, образное наглядное представление, сила воображения.

26. Аффирмация (от лат. affirmatio – подтверждение) – краткая фраза, вербальная формула, при многократном повторении закрепляющая в подсознании человека требуемый образ или установку, способствуя улучшению его психоэмоционального состояния и стимулируя положительные перемены в жизни.

27. «От Вардара и до Триглава... золотым солнцем

осиянная... гордо посреди Балкан» – слова из знаменитой патриотической песни о Югославии: «Много крови за тебя пролилось, / борьба наша тебя породила, / рабочая рука тебя сотворила, / живи счастливой и свободной, / пусть ведёт тебя наша любовь, / Югославия, Югославия!».

28. Носферату (нем. Nosferatu) – синоним слова «вампир», впервые использованный Брэмом Стокером в романе «Дракула». Согласно одной из гипотез, это слово произошло от греч. νοσοφορος – «переносящий болезнь». По другой версии, производно от рум. nesuferitu, что означает «невыносимый, омерзительный» и подразумевает чёрта.

29. «Ежовы и Ягоды» – в нарицательной форме имеются в виду народные комиссары внутренних дел СССР, имена которых стали символами жестокости и массовых репрессий. **Николай Иванович Ежов** (1895-1940) занимал должность наркома внутренних дел СССР в 1936–1938 гг., а **Генрих Григорьевич Ягода** (1891-1938) – в 1934–1936 гг.

30. «Смело мы пошли из тьмы и ужаса... сквозь кровавую бурю и дым битв... братство единство пусть победу празднуют...» – неточная цитата строк государственного гимна Федеративной Народной Республики Югославии (1946-1963): «Смело пошли мы из тьмы и ужаса/ сквозь кровавую борьбу и дым битв!/ Чтобы братство и единство праздновали победу!/ Чтобы, свободная, ты всем засверкала красотами!/ Республика наша, под солнцем свободы/ да сияет дух твой в веках!/ Пусть вечно ведут тебя пути славы/ и стяг твой пусть знает только победы!».

31. Кенотаф (с древнегреческого «пустая могила») – надгробный памятник в месте, где нет останков покойного, своего рода символическая могила.

32. Скупщина – здесь: собрание. Также официальное наименование парламента в ряде балканских государств.

33. Эклога – здесь применено в устаревшем книжном значении: сентиментально-идиллическое восхваление прелести мирного, безмятежно-счастливого существования в кругу семьи, в близости к природе.

34. «Останьтесь здесь... не нужно нам солнце чужого неба, где брата нет...» – не совсем верная цитата из стихотворения классика сербской поэзии Алексы Шантича (1868-1924): «Останьтесь здесь. Солнце чужого неба/ не согреет вас так, как греет наше./ Горьки куски хлеба там,/ где нет ни друга, ни брата».

35. Коллега Николае Чаушеску и коллега Елена – Николае Чаушеску (1918-1989) был генеральным секретарём ЦК Румынской коммунистической партии (с 1965 г.), Председателем Государственного Совета Социалистической Республики Румынии (с 1967 г.), Президентом Социалистической Республики Румынии (с 1974 г.). Его правление окончилось государственным переворотом, в ходе которого Чаушеску удалось бежать из столицы, но в итоге он был захвачен военными возле г. Тырговиште и вместе со своей женой Еленой предстал перед импровизированным трибуналом «новой власти», где ему были предъявлены обвинения в преступлениях против государства, геноциде против собственного народа, открытии тайных счетов в иностранных банках и подрыве национальной экономики. Сразу же после «судебного заседания», длившегося чуть больше часа, был расстрелян вместе с женой.

36. «Партизаны» и «звездаши» – имеются в виду два белградских футбольных клуба, «Партизан» и «Црвена Звезда». Тито был страстным болельщиком «Партизана», однако на стадион ходить не любил.